

РУССКИЕ ЦАРИ

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ
ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Эдвард Станиславович Радзинский
Русские цари
Серия «Наследие эпох»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57527271
Русские цари / Эдвард Радзинский: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-132662-3

Аннотация

В книгу вошли монументальные биографии Александра II и Николая II, царей, чье правление навсегда изменило лицо России.

Содержание

Александр II	7
Предисловие	7
Воспоминание о будущем	7
Вступление	9
«Цезарь, бойся мартовских ид»	9
Часть первая	12
Родословная героя	12
«Рок суровый»	12
Походы гвардии на дворец царей.	13
Кухарка-императрица	
Второй поход гвардии. Императрица- нимфа	16
Открытие прабабушки нашего героя	18
Третий поход гвардии на дворец – галантный	21
«Династия, загадочная для самое себя»	30
Тайна его династии	31
Страсти по прадеду	33
Четвертый поход гвардии: табакеркой – государя	34
Семейный призрак	40
Престол, которого никто не хотел	41
Новая тайна	47

Воскресший император	49
Наследник престола	50
Великий бунт воды	50
Корону перебрасывали, как мячик	52
Призрак отца Гамлета	54
Последний поход гвардии на дворец	56
Декабристы	67
Заря нового царствования	68
Открытие государя	69
Империя отца	75
Создание тайной полиции	75
Друг государя	80
Предтеча большевиков	84
Как воспитать цезаря	88
Николай и Александра	88
Воспитатель-романтик	89
«Путешествие» началось	91
«Все это делалось так скрытно, так порядочно»	101
Из легенд Царского села	108
Встречи с прошлым... и будущим	111
Царственные погорельцы	116
Невеста ждала его где-то в Германии	119
А пока была Италия	121
Мы мчались вихрем.	123
Счастливая семейная жизнь	126

Таинственный цесаревич	131
Либералы в семье Романовых	132
«Мне нужны не умники, а верноподданные»	139
«Неправильные» евреи	139
Горе уму!	141
«Подлец маркиз»	145
«Зову живых»	152
Война в вавилоне: воины идут в рай	155
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Эдвард Радзинский

Русские цари

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии, фотографии, распространяемые по лицензии Creative Commons, а также изображения по лицензии Shutterstock.

© Издательство АСТ, 2020

Александр II

Предисловие

Воспоминание о будущем

История Александра II – заключительная часть трилогии «Три царя». Последний царь Николай II, первый большевистский царь Иосиф Сталин и, наконец, последний великий русский царь Александр II – ее герои. Отцы и жертвы великой исторической драмы, разыгравшейся в России в конце XIX – первой половине XX века.

Мы до сих пор ищем ответы на мучительные вопросы: почему от царя, названного русской историей «Царем-Освободителем», уничтожившего постыдное русское рабство, реформировавшего всю русскую жизнь, к концу его правления отвернулось русское общество? Почему плодом первой русской перестройки стала могущественнейшая террористическая организация, до той поры невиданная в Европе? Почему великого реформатора убили дети его же перестройки?

Но загадки того времени касаются не только России. Русский террор, родившийся во времена Александра II, предвосхитил террор нашего века. И в нынешних газетах можно

прочсть те же фразы, те же идеи, которые волновали давно истлевших в земле русских террористов в дни Александра II.

Они – были первыми! И даже понятие «война с террором» принадлежит все тому же Александру II – его времени.

Так что банальнейший, но (увы!) вечный афоризм: «Основной урок Истории заключается в том, что люди не извлекают из Истории никаких уроков» явился эпиграфом и к этой книге. Впрочем, как и запись в дневнике брата царя, великого князя Константина Николаевича:

«Может быть, это самая важная эпоха в тысячелетнем существовании России».

Вступление

«Цезарь, бойся мартовских ид»

Слова, прозвучавшие две тысячи лет назад в Древнем Риме, стали опасным пророчеством и для русских кесарей.

Величайший и ужаснейший из московских царей Иван Грозный умрет в марте – возможно, отравленный.

11 марта 1801 года был убит император Павел I.

В марте отречется от престола последний русский царь Николай II. Март станет концом трехсотлетней династии.

И первый большевистский царь Иосиф Сталин умрет также в марте месяце, возможно, убитый соратниками.

И сейчас на нашем календаре 1 марта 1881 года. И произойдет это событие – одно из самых таинственных в русской истории.

Петербург. 2 часа 15 минут... Император Александр II выходит из Михайловского дворца, где был в гостях у своей кузины.

Императору в следующем месяце должно исполниться шестьдесят три года. Но царь – еще молодец! В шинели с бобровым воротником на красной подкладке, в золотых эполетах с вензелем его отца – высок, прям, гвардейская выправка. Последний красавец-царь романовской династии.

Карета стоит на пандусе, на фоне мраморных колонн дворца, окруженная небывалой для русских государей охраной. Шестеро казаков верхом на лошадях окружают карету, еще один казак сидит на козлах вместе с кучером, и за каретой следуют еще двое саней – с охраной.

Императорский поезд – карета и двое саней – отъезжает от Михайловского дворца. Весело скачут лошади, стремительно несется карета, так что сани охраны с трудом поспевают за ней.

Карета поворачивает на Екатерининский канал, и вместе с ней сейчас повернет и русская История.

Наша Северная Венеция еще покрыта мартовским снегом... Снег – на булыжной мостовой вдоль канала. Народу совсем мало: мартовский петербургский ветер, пробирающийся до костей, сдул с канала гуляющую публику. По тротуару прогуливаются полицейские – они должны охранять проезд императорской кареты.

Но они почему-то не замечают молодого человека, спешащего навстречу карете. Он явно нервничает, и в руке у него что-то подозрительное, величиной с тогдашнюю коробку конфет «Ландрин», завернутое в белый платок.

Молодой человек дождал приближающуюся карету и швырнул сверток под ноги лошадям.

Эхо мощного взрыва прокатилось по каналу.

На булыжной мостовой лежит убитый – один из казаков,

охранявших карету, рядом с мертвецом кричит, корчится в муках мальчик, несший корзину с мясом. Кровь, обрывки одежды на покрытом снегом булыжнике.

Императорский поезд останавливается. Государь, невредимый, выходит из кареты. Поздно бросил бомбу молодой человек – видно, сильно нервничал.

И дальше начинается непонятное. И охранники, и государь знают, что бомбист наверняка не один. И кучер, и охрана умоляют государя побыстрее уехать с канала. Но к полному изумлению охраны, государь, переживший к тому времени уже несколько покушений, совсем не торопится уехать! Напротив, он начинает странно расхаживать вдоль Екатерининского канала.

Будто чего-то ждет.

И в этот загадочный миг мы на время оставим – и государя, и Екатерининский канал.

Часть первая

Великий князь

Родословная героя

«Рок суровый»

Отцом нашего героя был великий князь Николай Павлович – один из братьев правившего тогда императора Александра I, его матерью – старшая дочь прусского короля Вильгельма III, Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина. Приняв православие, приняла она и новое имя – Александра Федоровна.

Наш герой был рожден в Москве, в Кремле – в «чудный весенний день 17 апреля 1818 года... на Святой неделе, когда колокола своим перезвоном славили праздник Воскресения Христова», – вспоминала в своих мемуарах его мать.

Но несмотря на счастье и праздник, мать нашего героя добавила вслед за этим удивительные слова: «Помнится мне, что я почувствовала тогда нечто важное и очень грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоит некогда стать императором».

Не зря так грустит вчерашняя немецкая принцесса при

мысли, что ее сын может стать императором бескрайней страны. И не зря будущий воспитатель нашего героя, знаменитый поэт Василий Жуковский, в стихах воспевавший его рождение, провидчески советовал младенцу «не трепетать, встречая Рок суровый».

Кровь и насилие сопровождали историю его предков, царей из династии Романовых. И убийство собственных государей стало тайной русской традицией в XVIII веке. Частью родословной нашего героя.

Походы гвардии на дворец царей. Кухарка-императрица

Все началось с двух событий, вначале совсем не связанных.

В самом конце XVII века прапрадед нашего героя, Петр Великий, создал российскую гвардию. И событие второе: в самом начале XVIII века наш великий император начал завоевание Прибалтики.

Именно тогда и случилась история, перед которой меркнут все сказки о Золушке. Пожалуй, это была самая волшебная история волшебного XVIII века.

В Лифляндии, в убогой комнатухе в доме пастора Глюка жила прехорошенькая кухарка Марта, дочь лифляндского крестьянина. Марта была замужем, хотя и жила без мужа. На ней женился заезжий шведский драгун. Хитрец побало-

вался с хорошенькой кухаркой и уехал воевать. Но так и не вернулся – то ли погиб, то ли забыл о Марте. Так и постарела бы наша красотка, стряпая и стирая в пасторском доме, если бы... Если бы не пришли русские войска и не попала Марта в русский плен.

И далее начался волшебный путь вчерашней кухарки – сначала это была постель командующего, графа Шереметева. Потом ее пышное тело укладывается в кровать повыше – к всесильному фавориту Петра Великого князю Меншикову. А оттуда был прямой (и весьма частый) путь – в царскую постель.

По поводу этого события был даже нарисован тогда лубок. На нем был изображен царь, восседавший за пиршественным столом. И вельможа подводил к царю грудастую, дебеющую красавицу. Подпись гласила: «Верноподданный уступает царю самое дорогое». Так что не прошло и года, как кухарка Марта вместо кухни пастора оказалась в царском дворце.

Обычно все эти минутные пассии быстро исчезали из спальни пылкого Петра. Но Марта осталась в ней навсегда. Прелести красавицы и ее добрый характер сотворили невероятное: император Всероссийский женился на вчерашней кухарке. Марту крестили, и под именем Екатерины Алексеевны Петр короновал ее императрицей.

В 1725 году Петр опасно заболел. У постели умирающего царя собрались ближайшие вельможи. По стойкой легенде, великий император коснеющим языком успел только ска-

зять: «Отдайте все...» Но кому отдать, он сказать не успел.

В миг важнейшего повеления насмешливая Смерть забрала всеильного царя!

Пока обряжали тело, вельможи собрались в соседней дворцовой зале – решить, кому отдать «все», то есть величайшую империю, протянувшуюся на полсвета – от Балтики до Тихого океана. И вот тогда в той же зале они с изумлением увидели гвардейских офицеров! Это пришли командиры гвардейских полков, созданных Великим Петром.

На возмущенные вопросы вельмож «Как посмели?!» ответом была барабанная дробь... с улицы! И, выглянув в окно, вельможи увидели гвардейцев, собравшихся во дворе. Все выходы из дворца оказались заняты гвардией. И гвардейские командиры выкрикнули бывшую кухарку императрицей Всероссийской Екатериной I. (Появиться бы в это время драгуну – первому мужу новой императрицы!)

Весело правила Екатерина I. От новой императрицы осталась дворцовая расходная книга. В ней траты на шутов и пиры вполне соразмерны с расходами на все государство.

Вот так в XVIII веке на политическую арену вышло детище Великого Петра – гвардия. И весь век с нее не уходила.

И уже вскоре удалая гвардия сотворила еще одну императрицу.

Второй поход гвардии. Императрица-нимфа

После смерти Екатерины I ее дочь Елизавета «жила в полнейшем ничтожестве». Постаревшие сподвижники Петра Великого пригласили править страной потомков родного брата Петра Великого – Ивана.

В Россию приехали принц и принцесса Брауншвейгские. Императором был объявлен их сын, младенец Иоанн Антонович. А так как он еще в колыбельке лежал, правительницей при несмышленише стала его мать – принцесса Анна Леопольдовна.

Не понимали пришельцы из Брауншвейга, как опасна наша гвардия. Но дочь Великого Петра понимала.

Елизавета была рождена до брака матери с императором. И лишь после брака была привенчана – объявлена законной дочерью Петра. Дитя любви была чудо как хороша. Копна рыжих волос, божественная фарфоровая кожа с легким розовым румянцем. И формы самые что ни есть соблазнительные – великолепный рост, высокая грудь, стройные длинные ноги. Некий немецкий дипломат, увидев ее, упал в обморок от ее красоты.

Была она безумна в страсти. Кровь Марты бросала ее в объятия простолоудинов. Казак Розум, красавец-певчий, которого она увидела в придворной церкви, сразу завладел ее сердцем. Елизавета превратила безродного казака Розума в

графа Разумовского, и он стал ее любовником на долгие годы.

На портретах бросается в глаза крепкий волевой подбородок нимфы – подбородок ее беспощадного отца! Отдаваясь любви, рыжекудрая Елизавета не забывала о власти. Истинная дочь Петра не захотела жить в забвении. Волевой подбородок потребовал – рискнуть. И она обратилась к гвардии.

Холодной ноябрьской ночью 1741 года по Невскому проспекту ехали сани, окруженные тремя сотнями гвардейцев. А в санях... наша нимфа!

Сани направлялись к царскому дворцу.

По пути во дворец гвардейцы весело арестовывали полусонных вельмож, живших на дворцовой набережной. Так, с шутками и прибаутками, они отправили из постели в тюрьму главных сподвижников правительницы Анны Леопольдовны.

Приближаясь ко дворцу, чтобы избежать лишнего шума, нимфа покинула сани. И гвардейцы на руках понесли нашу красавицу ко дворцу. На крепких руках гренадеров явилась Елизавета в безмятежно спящий дворец. Когда караульный попытался ударить в барабан – вспороли барабан шпагой. Дворцом овладели без сопротивления.

– Пора вставать, сестрица! – разбудила Елизавета правительницу империи. Ночная революция победила. Законную правительницу отправили в крепость вместе с семейством.

Младенца-императора наша нимфа взяла с собой в сани. Ребенок заливался смехом, радостно тянул ручки к гвардейцам. Елизавета целовала его: «Бедное дитя!» И, повздыхав, отправила «дитя» в вечное заточение – в Шлиссельбургскую крепость. И вчерашний император Всероссийский (этакая русская версия французской «Железной маски») вырастет в тюремной камере, не зная, кто он, за что попал в камеру. Там, в крепости (уже при Екатерине Великой), его и убьют охранники, а несчастные его родители сгниют в заточении.

На следующее утро Елизавета объявила себя императрицей и... полковником гвардейского полка. Она уважала гвардию.

Вот так наша гвардия совершила второй победоносный поход на царский дворец. Но, оказалось, совсем не последний.

Открытие прабабушки нашего героя

Императрица Елизавета I правила страной, как русская помещица – своенравно и взбалмошно, жестоко и одновременно добро.

Законного супруга и детей у нашей нимфы не было. И Елизавета придумала сделать наследником престола своего племянника. Это был сын ее старшей сестры и голштинского принца – Карл Петр Ульрих, в православии ставший именоваться великим князем Петром Федоровичем.

Елизавета подыскала ему жену – немецкую принцессу.

Софья-Фредерика-Августа была дочерью одного из бесчисленных немецких принцев на службе у Фридриха Великого.

Маленькую Софью отправили в далекую Россию. По пути в Петербург ее везли через Ригу. Там, в тюремном замке, под стражей содержалось несчастное брауншвейгское семейство, свергнутое императрицей Елизаветой.

Тень гвардейского переворота встретила эту впечатлительную и умненькую девочку уже на границах России.

В Петербурге вчерашняя лютеранка Софья-Фредерика, приняв православие, становится великой княгиней Екатериной Алексеевной.

Так начинается русская жизнь этой 14-летней девочки – будущей императрицы Екатерины Великой, прабабки нашего героя.

Впоследствии она расскажет о своей тогдашней жизни в знаменитых «Записках», которые прочтут после ее смерти все последующие цари из дома Романовых. И, как мы узнаем далее, прочтут с ужасом.

Неравнодушным женским взглядом описала Екатерина красоту императрицы Елизаветы и конечно же, предмет всеобщей зависти – несравненные стройные, длинные ноги императрицы. Обычно они были сокрыты ужасным кринолином и юбками. Но нимфа, ставшая императрицей, придумала, как явить миру свои прелести. Как описывает Екатерина,

во дворце устраиваются ночные маскарады, на которые императрица велит дамам являться в мужских нарядах. И тогда все ее фрейлины превращаются в жалких пухленьких коротконогих мальчиков, а сама Елизавета царит над ними высоким длинноногим красавцем.

Но маленькая Екатерина постепенно понимает истинную причину этих *ночных* маскарадов. *Страх гвардии* – память о *ночной* революции – скрывает это длящееся до рассвета дворцовое веселье.

И история захватившей власть Елизаветы становится искушающим примером для умной девочки. Уже в 15 лет, поняв ничтожность своего супруга, Екатерина начинает подкупать придворных подарками – создает свою партию.

И учится, учится у императрицы ее беспощадности.

Елизавета умело шла к цели. И шла к ней до конца, как ее отец. Затеяв войну с самим Фридрихом Великим, императрица положила тысячи солдат на поле боя.

Но в бесконечных неудачных битвах добилась главного – обескровила армию Фридриха. Нимфа уже приготовилась добить величайшего полководца Европы, но... Опять все та же насмешница – Смерть! – заберет Елизавету накануне великой победы.

При этом решавшая судьбы Европы императрица оставалась малограмотной русской помещицей. Она была увере-

на, что в Англию можно проехать сухим путем. И, будучи безумно отважной, была до смешного боязлива! Однажды в присутствии Екатерины императрица с привычным бешенством распекала своего министра. И, чтоб смягчить ее опасный гнев, появился шут с ежом. Увидев издали ежа, императрица побледнела. И с безумным криком: «Это же мышь! Это самая настоящая мышь!» – императрица всея Руси, подхватив юбки, пустилась наутек! Громившая Великого Фридриха и своих вельмож, Елизавета до смерти боялась мышей!

Но, наблюдая эти нелепости в поведении императрицы, маленькая Екатерина помнила главное: Елизавета сумела захватить престол. Изучая потаенную историю России, умненькая девочка открывает главный закон империи: неограниченное самодержавие в России, оказывается, *ограничено*. Ограничено волею гвардии. Так же, как в Древнем Риме, когда преторианские гвардейцы сажали на трон всемогущих цезарей. Так что недаром русское царство гордо называло себя Третьим Римом.

Но несчастный муж Екатерины Петр этого не понял.

Третий поход гвардии на дворец – галантный

Муж Екатерины, император Петр III (прадед нашего героя), вступил на престол после смерти тетки.

Петр и Екатерина были первыми из династии Романовых, кто въехал в только что отстроенный Зимний дворец. (Покойная императрица Елизавета приказала построить этот дворец итальянцу Растрелли, но пожить в нем так и не сумела.)

Новый Зимний дворец станет домом-символом царей из династии Романовых.

Построенный на набережной вечно бунтовавшей реки Невы, он обращен парадными залами и главным фасадом к реке и Петропавловской крепости.

В этой крепости хоронили царей, в ее казематах сидели опаснейшие враги династии. Этот странный вид из царского дворца – на тюрьму и родовое кладбище – озадачивал впоследствии иностранных путешественников. Впрочем, не только их. Племянник героя нашей книги, великий князь Александр Михайлович (которого впервые поселили в Зимнем дворце), вспоминал: «Мы приехали в Петербург в период обычных туманов, которым позавидовал бы Лондон.

– Ваша комната приятна тем, – объяснил нам наш воспитатель, – что, когда туман рассеется, вы увидите напротив, через Неву, Петропавловскую крепость, в которой погребены все русские государи.

Мне стало грустно. Мало того, что предстояло жить в этой столице туманов, но еще доставало этого соседства мертвецов!»

Для мужа Екатерины, императора Петра III, этот вид на тюрьму явился роковым предзнаменованием.

На портретах прадед Александра II Петр III изображен мощным воином в доспехах. На деле молитвенно обожавший армию император Петр III был слаб, тщедушен и... добр! Жалостливый император, вступив на престол, тотчас вернул из ссылки всех жертв прошлых переворотов – жертв походов гвардии на дворец.

Был устроен великолепный бал для вернувшихся из сибирских ссылок. Все эти вчерашние временщики, великие интриганы, любовники прежних императриц, погубившие друг друга, теперь танцевали вместе в тысячеметровом мраморном Белом зале Зимнего дворца.

И один из возвращенных сказал новому императору: «Вы слишком добры, Ваше Величество. Русские не понимают доброты, здесь надо править или кнутом, или топором, только тогда здесь все довольны».

И другой возвращенный сказал Петру III то же: «Ваше Величество, доброта вас погубит!»

Но прадеда нашего героя погубила не доброта. Его погубило пренебрежение к гвардии. Простодушный император жестоко заблуждался: он искренне верил в неограниченность русского самодержавия. И творил то, что хотел.

Он мечтал послужить тому, кто был его кумиром и куми-

ром всей просвещенной Европы – Фридриху Великому. В то время как русская армия приготовилась добить прусского короля, он повелел немедленно заключить с ним мир.

И вскоре в гвардейских казармах поползли слухи: император решил покончить с русской гвардией, распустить ее и набрать новую гвардию на своей родине, в Голштинии. Слухи, губительные для императора.

Кто распускал эти слухи, вычислить было нетрудно. В это время Петр III и его жена Екатерина стали врагами. И прадед, и прабабка нашего героя уже плели заговор друг против друга. Он готовился отправить ее в монастырь, а она его – на тот свет.

Но Екатерина оказалась куда способнее.

В Зимнем дворце она тайно принимала любовника – гвардейца Григория Орлова. У ее любовника было *четверо братьев*, и все – удалые храбрецы и любимцы гвардии. Через постель Екатерина присоединила к заговору всю гвардию.

Маленькое тело прабабки Александра и великолепное тело красавца-гвардейца... Правда, чуть не подвела шутка ее яростной плоти – Екатерина забеременела. Петр узнал об этом через шпионов. И решил подстеречь роды – уличить жену в измене и заточить в монастырь. Но когда приблизились роды, Екатерина велела камердинеру поджечь его собственный дом. Ребячливый Петр обожал фейерверки и пожары. И вместе со свитой тотчас укатил смотреть на люби-

мое огненное зрелище. А в это время новорожденного, завернутого в бобровую шубу, уже вынесли из дворца. И когда Петр вернулся, истекавшая кровью железная маленькая женщина преспокойно встретила его и даже угостила кофеем.

Наконец наступил день третьего (на этот раз – утреннего) переворота, устроенного гвардией.

Волею судьбы пришелся переворот на День ангела несчастного императора.

Екатерина жила тогда во дворце в Петергофе, а двор и император были в другом загородном дворце – в Ораниенбауме. Днем Петр отправился в Петергоф навестить супругу по случаю своего праздника. Но в Петергофе Екатерины не оказалось.

Ранним утром гвардеец Алексей Орлов, родной брат ее любовника Григория, примчал за Екатериной карету из Петербурга.

Алексей Орлов – великан, ударом кулака убивавший быка, знаменитый дуэлянт и донжуан. Как сказал о нем современник: «Я не поручил бы ему ни жены, ни дочери, но я мог бы свершить с ним великие дела».

Алексей Орлов нашел Екатерину в постели. Гвардеец разбудил ее знаменитыми словами: «Пришла пора тебе царствовать, матушка».

Но Екатерина колебалась.

И тогда (как гласит легенда) Алексей Орлов «влил в ее

матку великую решительность».

И вот уже карета с удалым Алексеем Орловым на козлах мчит прабабку нашего героя в Петербург. В столице уже ждала ее все та же гвардия. И гвардия единодушно присягнула вчерашней немецкой принцессе. Детище Петра Великого – славная гвардия – радостно приготовилась свергнуть внука Петра Великого!

И состоялся этот невиданный поход – совсем в стиле века, который именовался галантным. На коне, в гвардейском мундире, в шляпе, украшенной дубовыми листьями, очаровательная Екатерина. Она возглавила марш императорской гвардии против императора всея Руси.

Рядом с ней еще одна красотка в мундире – юная сподвижница Екатерины княгиня Дашкова.

Несчастный прадед Александра тотчас потерялся. Вокруг немедля началось бесстыдное бегство придворных. Но знаменитый фельдмаршал Миних остался ему верен. Этот семидесятилетний вояка предложил отплыть в Кронштадт – в неприступную морскую крепость. В Кронштадте отсидеться, собрать верные войска и оттуда идти отвоевывать Петербург. Петр был в восторге. Он так же легко воодушевлялся, как и впадал в отчаяние... Снарядили галеру и маленькую яхту. На эти суда посадили остатки перепуганного двора – всех, кто еще не успел убежать. Дамы в роскошных платьях, кавалеры в парадных мундирах – все это общество, сверка-

ющее драгоценными камнями и золотом, поплыло к крепости Кронштадт. Но великая прабабка нашего героя уже все предусмотрела – Кронштадт был захвачен ее сторонниками. И солдатня со стен крепости велит убираться прочь законному императору.

И Петр тотчас теряет волю – рыдает.

Старый фельдмаршал, объятый негодованием, стыдит его: «Неужели Ваше Величество не сумеет умереть, как император, перед своим войском! Если вы, Ваше Величество, боитесь сабельного удара, возьмите в руки распятие, и они не осмелятся вам навредить!»

Но император не хотел умирать, он послушно сдался!

Екатерина заточила супруга на очаровательной мызе Ропша. Она сохранила письма арестанта-императора из заточения. Впоследствии его правнук – наш герой – прочтет их.

В этих письмах император всяя Руси «нижайше молит» разрешить ему справлять нужду без охраны, «нижайше просит» разрешить прогулку. Свои письма к жене – прусской принцессе, узурпировавшей трон его предков, он униженно подписывает: «Ваш слуга Петр».

Но Екатерина не отвечает – видно, ждет, когда тюремщики догадаются, чем следует закончить эту галантную революцию. И они догадались.

Что произошло той ночью? Есть много версий. Вот одна из них, наиболее вероятная:

«Алексей Орлов, родной брат любовника Екатерины, гигант с жестоким шрамом через всю щеку, два метра роста, поднес вчерашнему императору бокал с вином и ядом. Несчастный выпил, и пламя тотчас распространилось по его жилам. Все это возбудило в свергнутом Государе подозрение, и он отказался от следующего бокала. Но они употребили насилие, а он против них – оборону. В сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики, они повергли его на землю и схватили его за горло. Но так как защищался он всеми силами, какие придает последнее отчаяние, а они избегали нанести ему раны (ведь надо было потом выставить для прощания его тело. – Э.Р.), они набросили ружейный ремень на шею императора. И Алексей Орлов обоими коленями встал ему на грудь и запер дыхание. И он испустил дух в руках их».

В Петербурге объявили, что император «скончался от геморроидальной колики». В Европе фраза стала нарицательной. И впоследствии, когда Екатерина пригласила в Петербург Д'Аламбера, знаменитый французский энциклопедист отказался. И написал Вольтеру: «Я подвержен, к сожалению, геморрою, а в России эта болезнь, судя по всему, смертельна».

И, как возмездие, сама великая прабабка Александра будет умирать жалко... Удар настиг ее в туалете. С трудом слуги выволокли ее из уборной. Тело было тяжелое, а слуги постарели вместе с ней.

Императрицу уложили в ее комнате на полу, на матрасе, врачи запретили ее тревожить... И на этом жалком матрасе, на дворцовом полу будет умирать Великая повелительница. От французских энциклопедистов, Вольтера, Фридриха Великого, всех европейских монархов до крымского хана и кочующих киргизов – все умы были заняты этой женщиной. Нити главной политической игры в Европе были в ее руках... «И когда она дергала, Европа содрогалась, как картонный паяц», – писал современник. Прав был ее вельможа, который гордо говорил: «Ни одна пушка в Европе без нашего на то дозволения выстрелить не смела!»

И вот она умирала— на полу... «Не собирайте себе сокровищ на земле». Около нее осталась только верная служанка. Императрица громко хрипела. И этот хрип был слышен в соседней комнате, где ее сын, дед нашего героя, новый император Павел I, придумал устроить себе кабинет. И придворные, устремившиеся теперь в кабинет нового владыки, пробежали мимо спальни беспомощной властительницы. И из любопытства открывали дверь и нагло глазели на умирающую...

В одиннадцатом часу в кабинет Павла вошел доктор-англичанин и сообщил, что императрица кончается.

В спальне Екатерины горело всего несколько свечей. В полумраке Павел и придворные ждали самого таинственного мига. Часы ударили четверть одиннадцатого, когда великая прабабка нашего героя испустила последний вздох – отпра-

вилась на Суд Всевышнего.

«Династия, загадочная для самое себя»

Все бумаги покойной императрицы были собраны в ее Секретном кабинете. Именно здесь ее сын император Павел I и нашел большой запечатанный конверт с надписью: «Его императорскому Высочеству Павлу Петровичу, любезнейшему моему сыну». В конверте находились «Записки Екатерины» – мемуары его матери... И, конечно же, он начал читать их немедленно.

И уже вскоре читал с ужасом.

С бесстыдной откровенностью, в духе Руссо, Великая императрица писала о своей жизни... Главным героем «Записок» Великой императрицы был несчастный, погубленный ею муж. Она беспощадно описывала Петра III – жалкий, инфантильный, постоянно влюбляется в каждую новую фрейлину, «исключением остается только его собственная жена». Он не спит с Екатериной, потому что попросту не знает, как это делать. Поэтому в течение 9 лет она не может родить наследника. Но наследник необходим. Этого требуют интересы империи. И тогда приставленная к ней фрейлина сообщает Екатерине от имени потерявшей терпение императрицы Елизаветы:

– Бывают положения, когда *интересы высшей важности* требуют *исключения из всех правил*.

И она предлагает Екатерине самой выбрать себе любовника – для рождения наследника. И она выбирает. И вскоре рождает сына – будущего императора Павла I!

Можно представить ужас Павла после чтения материнских «Записок». И Павел положил «Записки» в большой конверт и навсегда запечатал их своей печатью. Когда на престол вступил Николай I, отец нашего героя, то первым делом он прочитал «Записки». И, назвав Великую Екатерину «позором семьи», запретил читать постыдные «Записки» даже членам романовского семейства.

Наш герой, Александр, прочтет их, только став императором, после смерти отца. И на конверте с «Записками» появится надпись рукой Александра II: «Запечатать до востребования».

Видимо, и он пришел в ужас: значит, они не Романовы?!

Тайна его династии

Но в Секретном кабинете Екатерины среди ее бумаг остался обрывок письма, который она забыла уничтожить. Это письмо от ее несчастного мужа.

Петр III писал: «Мадам, я прошу Вас не беспокоиться, что эту ночь Вам придется провести со мной, потому что время обманывать меня прошло. Кровать стала слишком тесной для нас двоих. После двухнедельного разрыва с Вами Ваш несчастный супруг, которого Вы не хотите удостаивать этим

именем...»

Здесь текст обрывается, но зато сохранилась дата. Письмо написано на следующий год после свадьбы. Значит?! Значит, он спал с нею! И никакого равнодушия к ней у Петра не было! Это она, видимо, испытывала к нему непреодолимое отвращение. Она не хотела с ним спать, а он страдал, но не смел из стыда пожаловаться тетке-императрице. И только когда Елизавета потребовала наследника, Екатерине, видно, пришлось победить отвращение. И она понесла сына. Так что скорее всего Павел I был законным сыном Петра III. Именно поэтому у Павла были внешность, характер и даже привычки отца! Именно потому Екатерина так не любила Павла, рожденного от ненавистного супруга! А всю историю про любовника, который будто бы являлся истинным отцом Павла, она скорее всего придумала. Чтобы после ее смерти сын не начал мстить за отца. И не преследовал ее сподвижников. Тех, кто удавил его отца и которых она так ценила. И не сеял тем самым смуту в государстве, которое и было, пожалуй, единственной истинной любовью этой женщины.

Так что и в «Записках» Екатерина осталась той, кем была всегда – Правительницей.

Но если все-таки там была написана правда?!

Тогда после «Записок» Великой императрицы Романовы стали навсегда тайной. Тайной для самих себя.

Страсти по прадеду

Вступив на престол, дед нашего героя Павел решил побороться с «Записками» матери. Для начала Павел приказал торжественно перезахоронить Петра III. Чтобы все увидели – сын чтит отца.

Петр III был похоронен в Александро-Невской лавре. Екатерина отказала ему в праве лежать в Петропавловском соборе, где должно покоиться русским государям.

И Павел приказывает перенести прах Петра III на законное место – в Собор.

Но сначала ночью в Александро-Невскую лавру в черных траурных каретах Павел привез все семейство. Гроб Петра III был поднят и открыт. Прадед нашего героя истлел – рассыпались его кости, сгнил мундир, остались только перчатки, ботфорты и шляпа, в которой покоился череп. Но Павел заставил всю семью приложиться губами к печальному праху. Сам Павел, красавица-жена, дети – все целовали страшный череп. Отцу Александра Николаю было тогда несколько месяцев от роду. Но и его, новорожденного, поднесли к открытому гробу.

После чего в Зимнем дворце были выставлены два гроба для прощания.

Екатерина II и Петр III вновь соединились – после смерти. И наступил день перезахоронения удушенного императоро-

ра. Прах Петра III должен был отправиться в Петропавловский собор – для нового упокоения. И Павел приказал вчерашнему убийце отца – графу Алексею Орлову нести вслед за гробом корону убитого им императора.

В лютый мороз медленно двигался катафалк. А позади него на подагрических ногах с короной на малиновой подушке шагал старый гигант со зловещим шрамом через все лицо... Многие тогда говорили, что этот шрам— след предсмертного отчаяния несчастного Петра III... Будто, погибая, Петр выхватил тесак у убийцы и оставил на его лице этот знак.

И двухметровый больной старик в лютый мороз шагал на своих подагрических ногах, но все-таки донес корону до Петропавловского собора.

Четвертый поход гвардии: табакеркой – государя

Какие страшные и... великие люди жили в тот век! Все тот же граф Алексей Орлов – он не только убийством государя прославился. В дни войны с турками командовал русской эскадрой. В Чесменской бухте в яростном сражении сжег весь турецкий флот. Это было самое кровопролитное морское сражение века.

Особые были люди. И дед нашего героя справедливо их страшился.

В центре столицы Павел воздвигнул Михайловский замок, окруженный неприступными стенами, со рвами, заполненными водой, и караулами гвардии.

Но, построив замок, дед Александра так и не смог понять до конца, как опасна наша гвардия. Как и его несчастный отец Петр III, Павел I верил в абсолютную силу самодержца.

Он жаждал управлять всем – запрещая. Он управлял танцами («запрещение танцевать вальс»), одеждой («запрещены сюртуки с разноцветными воротниками и обшлагами» – повелел, чтоб они были одного цвета), внешностью («запрещение всем носить широкие большие букли», «запрещение носить бакенбарды») и даже звуками («запрещено, чтобы кучера и фореиторы, ехавши, кричали»).

Гордо заявлял шведскому послу: «В России нет важных лиц, кроме того, с которым я говорю и пока я с ним говорю».

Но властелин миллионов подданных, хозяин обширнейшей империи забыл историю: его самовластие было ограничено. Не конституцией, не парламентом, но – удавками гвардейцев. Забыл он открытие своей матушки.

Будучи наследником престола, в своем дворце в Гатчине Павел создал свое карманное войско, как когда-то его убиенный отец Петр III. Его гатчинцы были воспитаны на той же строгой прусской дисциплине. И строгость гатчинской дисциплины Павел начал вводить в изнеженную екатерининскую гвардию. Со страстью, граничившею с безумием,

он беспощадно карал екатерининских гвардейцев за малейшую небрежность – в форме или при маршировке. И теперь, отправляясь на парад или в караул, офицеры брали с собой ассигнации. Потому что очень часто не угодивших ему гвардейцев Павел с плаца напрямиком отправлял в полки на окраинах России. А порой «дамоклова кибитка», как назвал ее Герцен, беспощадно увозила их в Сибирь или в крепость.

В самом элитном конногвардейском полку из 132 екатерининских офицеров осталось... только двое! Все свое четырехлетнее царствование он будто мстил гвардейцам матери за гибель отца!

Но не понял он до конца фразы гордого генерала-гвардейца: «Вы горячи, и я горяч, нам вместе не ужиться». Не оценил.

И вот уже в гвардии составлен заговор.

Самое ужасное: дядя нашего героя, Александр, знал о заговоре против собственного отца. «Знал – и не хотел знать», – как скажет впоследствии граф Пален. Заговорщики пугали его неминуемым кровавым восстанием гвардии, коли на престоле останется отец, и его собственной гибелью по воле безумного Павла. Но они пообещали Александру: «Император останется невредим, его лишь заставят подписать акт об отречении». И после отречения, как писал один из ближайших друзей Александра, князь Адам Чарторыйский, Александр решил предоставить Павлу в полное распоряже-

ние Михайловский замок, в котором низверженный монарх мог бы найти спокойное прибежище.

Как мог поверить Александр в эту мирную идиллию, зная судьбу несчастного Петра III?! Так что, точнее сказать, Александр заставил себя поверить. И все произошло, как и должно было произойти.

Перед тем как убить императора, гвардейцы собрались на веселый ужин.

Было выпито много вина. И в речах уже прозвучали страшноватые слова из далекого будущего. Например, лейб-гвардеец полковник Бибиков (его родственник возводил на престол Екатерину II) объявил, что нет смысла избавляться от одного Павла, но лучше *«отделаться сразу от всей царской семьи»*. Но остальные заговорщики его не поддержали.

В полночь к потайному входу в Михайловский замок подошла толпа разгоряченных вином гвардейских офицеров. Среди них были последний любовник Великой Екатерины князь Платон Зубов и его брат Николай. Их вел любимый адъютант Павла. Заговор возглавлял граф Пален – другой любимец императора.

Заговорщики в парадных мундирах, со шпагами наголо ворвались в спальню Павла I. Но в спальне не было никого. С ужасом поняли: Павел сбежал, теперь всем им – конец! Пока офицеры пребывали в панике, один из вожаков, высо-

кий, флегматичный генерал Леонтий Бенигсен, опершись на камин, неторопливо осматривал комнату. В углу огромной спальни стояли ширмы. И там, под ширмами, генерал и разглядел босые ноги самодержца. Несчастный Павел, услышав шум приближающихся гвардейцев, успел там спрятаться.

– Le voilà, – насмешливо сказал генерал Бенигсен и показал рукой на ширмы. И гвардейцы выволокли оттуда несчастного государя.

Как бывает с деспотами, он сразу стал жалок и беспомощен. Маленький, курносый, в белых кальсонах, в ночной рубашке с длинными рукавами, он был похож на испуганного мальчика. И тогда вся пьяная толпа набросились на Павла... Он то неумело отбивался и просил пощады, то молил, чтоб дали время прочесть перед смертью молитву, то угрожал.

И, разгоряченный вином граф Николай Zubov, громадный, похожий на мясника, ударил со всей силы государя всея Руси в висок – углом массивной золотой табакерки. Павел упал на пол.

После чего генералы дали офицерам закончить дело. Братья Zubovy и Бенигсен торопливо покинули спальню. По одной из версий, француз – камердинер Платона Zubova сел на живот государя всея Руси. И двадцатилетний гвардеец-семеновец Яков Скарятин снял с себя офицерский шарф. И этим шарфом задушил самодержца Всероссийского.

По другой версии, «теснясь один на другого», императора душили всем скопом. А потом пьяные издевались над тру-

пом – пинали сапогами бездыханное тело деда нашего героя.

И несчастному, задыхавшемуся от слез Александру пришлось объявить:

– Батюшка скончался апоплексическим ударом, все будет как при бабушке.

И со всех сторон – победный крик гвардейцев: «Ура!»

Павла нарядили в гвардейский мундир, треугольную шляпу надвинули на лицо, чтобы скрыть постыдный синяк от удара табакеркой. И только тогда позволили проститься с мужем «жалобно рыдавшей императрице». Она «упала на тело императора и обняла его». Но все тот же генерал Бенигсен весьма решительно попросил ее «не затягивать сцены прощанья, которая может повредить драгоценному здоровью Вашего Величества».

Как и в случае с убитым Петром III, объявлено было, что император скоропостижно и мирно скончался. Тело императора выставили в Михайловском замке – для прощания. Но как писала мадам де Сталь: «В России все – секрет, но ничего не тайна». И петербургское общество ринулось поглядеть на скоропостижно умершего. Но тело выставили умело. Греч вспоминал: «Я раз десять ходил в Михайловский замок и смог увидеть только подошвы его ботфорт и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лоб. Едва войдешь в дверь, указывали на другую: «Извольте проходить!»

Вот так дядя нашего героя, будущий победитель Наполеона, стал императором Александром I.

Новый император не посмел тронуть гвардейцев-царевубийц.

И гвардеец Скарятин, играя в карты, вешал свой офицерский шарф на спинку стула, и все гадали: тот ли это шарф, которым удушили отца нового императора. Генерал Бенигсен стал одним из командующих армией в войне с Наполеоном. И когда Александр будет клеймить Наполеона «кровавожадным чудовищем», Бонапарт насмешливо напомнит царю о «подвигах его полководца в спальне его отца».

Семейный призрак

Имя зверски убитого Павла I было окружено легендами в романовской семье... В Гатчине, любимом дворце Павла I, была комната с забитой дверью.

Там хранилась кровать из Михайловского замка – с одеялами и подушками, окрашенными кровью Павла. И слуги утверждали, что не раз видели по ночам призрак убиенного императора, бродивший по парадным залам Гатчинского дворца. Призрак этот будто бы всегда появлялся перед роковыми событиями.

Маленький Александр, приезжая в великолепный Гатчинский дворец, мечтал увидеть призрак своего деда. И сестра

последнего царя Николая II Ольга рассказывает в воспоминаниях, как они в детстве ночью бродили с Ники по гатчинскому дворцу, надеясь и боясь увидеть неприкаянную тень.

И отец нашего героя, великий князь Николай Павлович, в самый страшный свой день будто бы видел этот призрак.

Престол, которого никто не хотел

У убиенного императора Павла III было четверо сыновей. Двое старших – погодки: Александр и Константин. И двое младших: Николай (отец нашего героя) и Михаил.

В отличие от отца, маленького курносого Павла, Александр и Николай были атлеты – красавцы с медальными лицами. И в дальнейшем высокие красавцы-мужчины будут рождаться в романовской семье. Это жена Павла, плодовитая принцесса Вюртембергская, родившая Павлу восемь детей, принесла в романовскую семью красоту и стать Вюртембергской породы.

Между старшими и младшими братьями были почти два десятилетия разницы и пропасть в образовании.

Старших – Александра и Константина – Великая Екатерина отобрала у сына Павла. «Лучшая из бабушек» с младенчества руководила их образованием – сама придумала для них забавную азбуку, писала им сказки, проектировала «одежду, полезную для здоровья».

Даже воспитание детей Екатерина умело превратила в по-

литический проект. Внуку Александру она мечтала передать престол вместо ненавистного сына Павла, *Константину* предназначала стать императором возрожденной Византии со столицей *Константинополем* (отсюда его имя!), которую задумала отвоевать у Турции. Россия и освобожденные балканские славяне должны были создать величайшую в мире – славянскую империю. Но свой проект великий политик осуществить не успела – императрицу хватил удар.

Однако убийство гвардейцами ненавистного ей Павла I посмертно осуществило мечту «лучшей из бабушек» – любимый внук вступил на престол и стал императором Александром I. И судьба уготовила Александру I победу над Наполеоном и всемирную славу.

Но чем старше становился победитель Наполеона, тем больше впадал в некую черную меланхолию. Убийство отца, участие в заговоре мучили. В 1819 году он прямо сказал брату Константину: «Должен сказать тебе, я устал и не в силах сносить тягость правителя». Это означало, что Константин (следующий по старшинству) должен был принять корону.

Константин любил убитого отца. Он был похож на Павла – такой же курносый с большими голубыми глазами. И был так же необуздан, горяч в гневе. Никогда не мог он забыть той мартовской ночи. Сразу после убийства императора в комнату Константина пришел вчерашний любовник его бабки, князь Платон Зубов. Константин спал, но Зубов грубо

сдернул с него одеяло и, ничего не объясняя, заставил одеться. Константин решил, что его ведут убивать. Но его увезли из Михайловского замка в Зимний дворец, где заговорщики объявили его брата Александра императором.

Константин сказал тогда (конногвардейцу Саблукову). «Брат мой может идти царствовать, коли ему нравится. Но, если бы престол должен был перейти ко мне, я отказался бы!»

Престол, покрытый отцовской кровью, ужасал его. И потому на предложение брата Константин тотчас ответил, что готов «просить у него место второго камердинера... только бы не быть царем на троне!» И торопливо написал официальное отречение: «Не чувствую в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа...» и т. д.

Следующим по старшинству братом был Николай, отец нашего героя. Николай благоговел перед императором – победителем Наполеона и почитал Константина. В честь старших братьев он и назвал своих сыновей Александром и Константином.

Но Николая не готовили к трону. Его учили только военной муштре, и он преуспел в ней. Николая считали солдафоном в большой романовской семье. И, что куда опаснее, солдафоном считала его и могущественная гвардия.

В гвардии служили тогда многие столичные интеллектуалы и презирать «солдафона Николая» было модно. Так что

император Александр понимал, как опасен престол для Николая.

Но выхода не было, и император Александр I отправился к отцу нашего героя. Царь не стал дискутировать, просто объявил младшему брату свою волю: в случае его смерти престол должен перейти к нему – Николаю.

Но император добавил: «Впрочем, это может случиться гораздо ранее. Я все чаще думаю сложить с себя обязанности и удалиться от мира. Европа нуждается в монархах молодых – в расцвете сил и энергии, а я уже не тот».

И мать нашего героя описала удивительную реакцию на это сообщение императора: «Мы слушали Государя, как два изваяния, с открытыми глазами и сомкнутыми устами..» Как и Константин, Николай пребывал в испуге... от предложения короны!

Он так же боялся престола... залитого кровью отца и деда!

И Александр I вынужден был его успокаивать: «Но минута, *так вас утраившая*, еще не наступила, может, пройдет еще 10 лет», – сказал он на прощанье и уехал.

«Мы были поражены, как громом... В *слезах и рыданиях от этой ужасной неожиданной вести* мы молчали...» – записала мать нашего героя.

Слезы и рыдания от ужасной вести, что придется... царствовать!!!

Вот так случился этот великий российский курьез. Во всем мире братья обычно боролись за корону, даже на пре-

ступление шли. Здесь братья мечтали только об одном – отдать великое царство. Таков был итог походов гвардии на дворец.

А дальше случилось то, что и должно было случиться: до Александра I начинают доходить сведения о заговоре в гвардии. Гвардия вновь собралась в поход на дворец!

В 1820 году начальник штаба гвардейского корпуса генерал Бенкендорф пишет «записку», точнее – донос императору об этом заговоре.

Случилось опаснейшее: победа над Наполеоном обернулась в головах офицеров-интеллектуалов поражением идеи самодержавия. Гвардейские офицеры принесли из Европы домой, в Россию, идеи Французской революции.

«Не смысла, как привести собственные дела в порядок они хотят управлять государством», – писал императору Бенкендорф и приложил список заговорщиков.

Но царь поступил неожиданно. Александр I, этот царь-мистик, видно, решил, что пришло возмездие. Та самая гвардия, которая когда-то посадила его на трон, теперь решила его с трона согнать. И он отдает свою судьбу в Божьи руки.

Выразив сожаление, что заговорщики стали «жертвой того самого французского духа вольности, которым он сам так восхищался в молодости», император убрал донос в стол! «Я разделял и поощрял эти иллюзии, не мне подвергать их гонениям», – сказал он позднее.

Но это был совершенно новый заговор старой гвардии. Впервые за столетие в нем не участвовал никто из царской семьи. Как и в прежних заговорах, часть заговорщиков собиралась убить царя. Но не для того, чтобы, как прежде, посадить на трон своего императора. Но для того, чтобы вообще обойтись без царя и объявить Республику!

Одним из главных заговорщиков был сын сибирского генерал-губернатора полковник Пестель. Он храбро воевал с Наполеоном. И этот русский Робеспьер, решивший основать Республику, ради безопасности будущей Республики задумал убить не только царя, но и всю царскую семью, чтобы исключить гражданскую войну. Впрочем, большинство заговорщиков были намного милостивее: они решили оставить императора на троне взамен его согласия на Конституцию.

Так в заснеженной России начался путь, который закончится гибелью династии, большевиками и великим расколом мира.

Однако дальнейшие сведения о заговоре заставили царя поторопиться с решением династических проблем.

16 августа 1823 года Александр написал тайный Манифест о престолонаследии. Наследником престола *объявлялся отец нашего героя, великий князь Николай Павлович*.

Но Манифест объявлен не был. В запечатанном конверте Манифест положили на секретное хранение в главном храме России – в Московском Успенском соборе, где венчались на

царство русские государи. О Манифесте знал самый узкий круг лиц... Видимо, Александр все еще не терял надежды склонить Константина занять престол. Он не забывал, как относится к Николаю опасная гвардия.

Все это время Александр I почти не живет в России... Он участвует во всех съездах монархов, членов Священного союза – союза европейских монархов, воевавших с Наполеоном. Или бесцельно колесит по стране... «Он правит страной из коляски», – напишет современник. Император будто страшится столицы, где стоят опасные гвардейские полки.

В 1825 году «кочующий деспот» (так называл его Пушкин) отправляется в очередное скитание— в маленький городок Таганрог, чей южный климат должен был помочь слабым легким императрицы.

Уезжая из Петербурга глубокой ночью, император подъехал к Александро-Невской лавре. В темноте у ворот лавры его ждал черный ряд монахов во главе с митрополитом. Во время чтения Евангелия Александр I вдруг опустился на колени и просил митрополита положить Евангелие ему на голову. Он долго молился и, молясь, плакал.

Новая тайна

Приехав в Таганрог, император неожиданно и стреми-

тельно умирает. Осталось медицинское заключение врачей. Оно так туманно, что очень трудно понять, от какой болезни умер победитель Наполеона.

И тотчас после смерти Александра I в столицу приходит слух, который переживет столетие, – Александр I не умер. Вместо него в гроб положили другого, сам же император ушел в Сибирь странником – молиться и каяться в страшном грехе – в злодеянии против отца.

Когда гроб с телом покойного императора прибыл в Петербург, слух усилился. Ибо гроб не открыли во время традиционного прощания. Впервые двор прощался с покойным государем, не видя лица умершего. Даже убитых государей со следами насилия – Петра III и Павла I выставляли для прощания.

Придворным объявили, что от жары в Таганроге труп разложился. Но двор знал – покойного после смерти тщательно бальзамировали. И повторяли странные слова видевшего труп князя Волконского, что «лицо императора, несмотря на бальзамирование, почернело и даже черты совсем изменились».

Только царская семья увидела гроб открытым... Прощание происходило в домовый церкви Царского Села после полуночи. Священники были удалены из церкви, и в дверях поставлены часовые. В полумраке, при горящих свечах Романовы увидели лицо покойного императора. Присутствовал при этом таинственном прощании и наш герой, названный в

честь умершего.

Маленькому Александру было тогда 7 лет.

Воскресший император

Через одиннадцать лет после смерти Александра I в Сибири появляется некий старец Федор Козьмич. Человек святой жизни, он будто бы происходил из крестьян. Но при этом знал дворцовые обычаи и в совершенстве говорил на иностранных языках. Из его рассказов становилось понятным, что он был в Париже вместе с победоносной русской армией.

Наиболее распространенный портрет таинственного старца имел поразительное сходство с Александром I, хотя он никогда не упоминал об Александре I. По мере роста его популярности и слухов, старец все реже выходил к посетителям, и дверь его кельи все чаще оставалась запертой.

В дневнике матери нашего героя осталась запись. Император Александр I, мечтая о своем грядущем отречении от престола, однажды сказал ей: «Как я буду радоваться, когда увижу вас проезжающими мимо меня, и я в толпе буду кричать вам «ура!», размахивая своей шапкой».

Простолюдин в толпе, снимающий шапку, – вот о какой жизни накануне загадочной смерти мечтал император.

Так возникла еще одна тайна в семье Романовых. И накануне падения династии великий князь Николай Михайлович

записывает в дневнике свой разговор с Николаем II все о том же старце Федоре Козьмиче.

До самого конца династии интересовала Романовых эта загадка.

Наследник престола

Великий бунт воды

Итак, нашему герою всего 7 лет. Но два страшных воспоминания уже должны были навсегда остаться в памяти впечатлительного, нервного мальчика.

Это – бунт природы и бунт людей.

Восстание воды случилось в последний год царствования Александра I.

Наш герой и его семья жили тогда в Аничковом дворце, где с тех пор всегда будут жить наследник престола с семьей. И ноябрьской ночью в Петербурге произошло величайшее в истории столицы наводнение.

7 ноября в 7 часов вечера на башне Адмиралтейства напротив Зимнего дворца зажглись сигнальные фонари «для предостережения жителей». Ночью разразилась невиданная буря; порывы ветра сотрясали огромные окна в Аничковом дворце. Уже к утру разъяренная река Нева набросилась на город. Вода в Неве кипела, как в котле, и ветер гнал вспять

течение реки; белая пена клубилась над водяной громадой. Гигантские волны свирепствовали на затопленной Дворцовой площади.

И сама площадь соединилась с Невою в одно огромное озеро, изливавшееся Невским проспектом. Сам проспект превратился в широкую реку, текущую мимо их Аничкова дворца... Вода в этой «реке» стояла у балкона дворца. По мраморным лестницам дворца бежали крысы из подвала. Прыгали, пищали, рвались наверх – в безопасность.

На большой двери мимо их окон плыла женщина с ребенком, и солдаты на лодке пытались подплыть к ней. Люди спасались на крышах домов, на фонарях. Из окна дома напротив выплывала целая библиотека. Книги прыгали в волнах перед их балконом. Летали листы железа – ураганный ветер срывал их с крыш домов.

Только через несколько дней, когда вода схлынула, отец повез Сашу смотреть город. Вся набережная перед Зимним дворцом была заполнена разбитыми кораблями.

На одном из кораблей стоял гроб, принесенный водой с кладбища.

Невиданный бунт воды оказался предзнаменованием. Через год случился столь же яростный бунт людей.

Корону перебрасывали, как мячик

Когда фельдъегерь из Таганрога привез в столицу весть о кончине Александра I, отец нашего героя тотчас вызвал к себе военного губернатора Петербурга – графа Милорадовича. Николай Павлович сообщил ему о секретном Манифесте покойного государя и о его последней воле – передать трон ему, Николаю.

Но Милорадович отлично знал настроение в гвардии. Гвардия не любит солдафона Николая. Знал он и о гвардейском заговоре. Ведь все заговорщики – «свои». Это представители знаменитых аристократических фамилий, блестящие офицеры, участвовавшие вместе с Милорадовичем в битвах с Наполеоном.

И граф осторожно предупредил Николая: «К сожалению, тайный Манифест никому не известен, а закон о престолонаследии – известен всем. И все знают, что, согласно этому закону, престол должен принадлежать Константину».

И отец нашего героя поспешно и, видно, с облегчением согласился с Милорадовичем. Николай торопливо велит привести к присяге Константину гвардию, Сенат, Государственный Совет. И присягает Константину сам... Так он боялся опасного престола.

Но все оказалось тщетным. Примчался фельдъегерь с письмом из Варшавы – Константин наотрез отказался быть

государем. Он писал: «Мое прежнее намерение неподвижно». И требовал исполнить волю умершего царя, изложенную в Манифесте, – императором должен стать Николай.

И вновь поскакал фельдъегерь с письмом из Петербурга в Варшаву. Понимая, как странно будет выглядеть новая присяга, императрица-мать «на коленях закликает Константина приехать в Петербург и объявить гласно свой отказ от трона».

И опять скачет курьер из Варшавы в Петербург. Но Константин отказывается приехать в столицу (так он боится, что в Петербурге его уговорят стать царем). И просит «любезнейшую родительницу» саму объявить о его отречении.

Пока курьеры на тройках, загоня лошадей, скачут между Петербургом и Варшавой, гвардейские заговорщики понимают: неразбериха с властью – лучший момент для переворота.

Наконец, 13 декабря (это был день рождения покойного императора) Николай решается выполнить его волю. Он соглашается принять корону.

«Какой день для меня, Великий Боже, решительный для моей судьбы», – записал в дневнике Николай. И в этот же день ему приносят закрытый конверт. «Раскрываю и узнаю – ужасный заговор. Нужно принимать решительные меры», – вспоминал Николай. Это опять была проклятая гвардия, убившая его предков! Он понимал, что ему грозит.

Так семилетний Саша становится официальным наследником престола. На следующий день – 14 декабря – в Зимнем дворце была назначена новая присяга – его отцу. В тот же день Николай написал сестре: «Молись за меня Богу... Пожалей несчастного брата – жертву воли Божьей и двух своих братьев».

Ночью он пришел к жене и сказал ей слова, которые мать нашего героя записала в дневнике: «Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне быть мужественной и, если суждено, умереть с честью».

Призрак отца Гамлета

Накануне 14 декабря, дня присяги Николаю, шли тревожнейшие споры заговорщиков. Часть выступила против восстания – не верила в успех.

И один из них – граф Ростовцев – решился на отчаянный шаг. Он объявил заговорщикам, что обязан особенной благодарностью Николаю Павловичу. И теперь, «предвидя для благодетеля своего опасность, решился идти к нему – умолять его не принимать престола». Все увещевания заговорщиков были напрасны.

На другой день после встречи с царем Ростовцев доставил заговорщикам бумагу с заглавием: «Прекраснейший день

моей жизни». Это было описание его свидания с Николаем Павловичем. Николай принял его ласково. Ростовцев предупредил царя, что «принять престол для него очень опасно». И «более ничего не сказал». Николай же не расспрашивал о подробностях. Поблагодарил и отпустил его.

Так открытием заговора Ростовцев попытался заставить товарищей отказаться от бунта. Но тщетно.

Теперь Николай знал точно – будет бунт. Но у него уже не было выхода, и он решился идти до конца. Вечером военный губернатор Петербурга Милорадович сказал приехавшему на коронацию принцу Вюртембергскому – родственнику Николая по матери:

– Тревожусь, ибо *не жду удачи* от завтрашнего дня. Гвардия любит Константина.

– При чем тут гвардия и удача? Ведь есть законное завещание покойного государя, – удивился принц.

Не знал принц, что наш закон о престолонаследии – это воля гвардии.

В это время заговорщики в казармах лихорадочно готовили к восстанию своих солдат. Про республику, о которой многие из них мечтали, солдатам говорить было бессмысленно. Когда один из заговорщиков объявил солдатам, что теперь у нас будет республика, солдаты тотчас поинтересовались: «А кто ж в ней будет государем?»

– Никто не будет.

– Батюшка, – сказали ему солдаты, – ведь ты сам знаешь, что это никак не возможно...

Как писал наш историк: «В России скорее могли представить страну без народа, чем без царя».

По легенде, в ту ночь Николай долго не мог заснуть. И за полночь мучимый бессонницей бродил по Зимнему дворцу. За ним шел камердинер с канделябром. И в свете луны в Белом зале увидели фигуру в ночной рубашке. Николай застыл в ужасе – это был отец. И уже в следующее мгновение несчастный Павел исчез – ушел сквозь стену.

Если бы эта легенда была былью, то именно тогда Николай должен был преисполниться удивительной решимости, которая не покидала его весь завтрашний страшный день. Для него эта встреча стала бы встречей Гамлета с отцовской тенью. Это был призыв к мести – наследникам той гвардии, которая убила его отца и деда.

Последний поход гвардии на дворец

Наступил один из переломных дней в русской Истории.

14 декабря гвардия не просто вышла в очередной поход на дворец. Это был поход за Конституцией. Великий день для русских либералов. Все дальнейшее Николай описал сам:

«В этот роковой день я встал рано. В Зимнем дворце со-

браны были все генералы и полковые командиры гвардии».

Николай прочитал им завещание покойного императора Александра I и акт отречения Константина Павловича.

«Получив от каждого командира уверение в преданности и готовности жертвовать собой, приказал ехать по своим командам и привести гвардию к присяге».

Придворным «велено было» собраться в Зимний дворец к 11 часам. Пока собирались вельможи, Николай отправился в апартаменты матушки. Но был начеку. Ждал.

В это время уже началось! Заговорщики взбунтовали гвардейские казармы. Объявили солдатам, что законного императора Константина, которому они уже присягали, заставили силой отречься от престола.

И в одних сюртуках, несмотря на декабрьский мороз, разгоряченные речами офицеров (и еще более водкой) гвардейцы с заряженными ружьями бросились на Петровскую (Сенатскую) площадь – защищать права Константина...

Они выстроились на площади у здания Сената – в десяти минутах хода от Зимнего дворца. И знаменитый монумент Петра Великого на вздыбленном коне был повернут к ним спиной. Великий император будто убежал – скакал от них прочь.

Гвардейцы палили в воздух и кричали: «Ура, Константин!» и «Да здравствует Конституция!»

Офицеры объяснили солдатам, будто жену Константина зовут Конституцией!

И не успел Николай выйти от матушки, как «явился генерал-майор Нейдгарт, начальник штаба гвардейского корпуса, и объявил, что Московский полк в полном восстании».

В это время во дворец уже собрались вельможи – присягать.

«Но должно было от всех скрыть настоящее положение наше и в особенности от Матушки...» (Еще бы! Она уже увидала деяния гвардии – убийство мужа Павла I. – Э.Р.)

Но от жены Николай скрывать не стал. «Зайдя к жене, я сказал: “В Московском полку волнение; я отправляюсь туда”».

Он помнил судьбу отца и деда. И не сомневался: у него один выбор – жизнь или смерть. Может быть, не только его смерть, но и гибель всей его семьи. Он был в исступлении. «Мысли пришли ко мне как бы вдохновением». Да нет, скорее, он все продумал раньше – в те тревожные дни перед присягой, когда узнал о заговоре.

И он действует. Немедля отправляет собравшихся во дворце командиров полков в казармы – выводить полки верных гвардейцев. Посылает на площадь генералов – уговаривать мятежных разойтись. Отдав распоряжения, набросив на плечи шинель, Николай выбегает из дворца.

На Дворцовой площади он застаёт огромную толпу зевак. «Съезд ко дворцу уже начинался, и вся площадь усеяна была народом и экипажами».

Эта огромная толпа перед дворцом была опасна, ее могли взбунтовать – в любую минуту. Чернь могла отправиться к восставшим на Сенатскую площадь – соединиться с мятежниками или (что страшнее) броситься на беззащитный дворец. «Нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным. Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться».

И Николай начинает читать толпе Манифест о своем восшествии. Толпа в восторге от лицезрения царя, обращающегося к народу. Люди рукоплещут, заглушая овацией, криками «ура!» звуки выстрелов на мятежной площади.

Закончив читать Манифест, Николай пережил «самый ужасный миг».

Он увидел, как к Зимнему дворцу бегом направлялся отряд гвардейцев.

«Толпа лейб-гренадер, предводительствуемая офицером Пановым, шла с намерением овладеть дворцом и в случае сопротивления истребить все наше семейство».

Но именно в эту минуту во дворе дворца появились верные гвардейцы – пришел Саперный батальон. И встал за новым императором.

Увидев «чужих» (так они называли верных Николаю гвардейцев), гренадеры повернули от дворца и бегом отправились на мятежную площадь.

Эта минута не просто сохранила жизнь всей семье. Николай «увидел в этом знак – милосердие Божие». Вскоре подо-

спел и батальон верных преображенцев. Николай сел на лошадь и сам повел батальон к Сенатской площади. Но через сотню метров у арки Главного штаба он увидел гвардейцев из гренадерского полка. Они шли без строя и офицеров – одной огромной толпой со знаменами.

«Подъехав к ним, я хотел остановить гренадеров и построить. Но на мое “Стой!” – они закричали мне: “Мы – за Константина!” Я указал им на Сенатскую площадь. Нельзя было развязать бой напротив дворца на глазах ничего не подозревающих “любезнейшей родительницы” и вельмож. Сколько раз в течение этого дня сердце мое замирало. и единый Бог меня поддержал».

До смерти не простит Николай мятежникам «замирания сердца» – своего унижительного страха.

Он велел перевезти детей из Аничкова дворца в Зимний дворец. В этот день маленький Саша как всегда занимался с гувернером – капитаном Мердером, когда за ним приехала карета. Мальчика быстро одели и повезли в Зимний дворец...

Николай приказал «приготовить загородные экипажи для Матушки и жены». Он решил, «если события будут столь же угрожающи», отправить их с детьми из города в Царское Село.

А пока наш герой с матерью и бабкой сидит в Зимнем дворце, в кабинете покойного дяди Александра I. Он каприз-

ничает – он голоден... Ему принесли котлетку... Он понимает: что-то происходит, чувствует эту общую тревогу. И ест котлетку.

В это время к Николаю присоединились вернувшиеся с площади генералы. Сообщили страшное: мятежников на площади прибыло – к Московскому полку присоединились двухметровые гиганты-гренадеры. И замкнул мятежный строй только что явившийся на площадь гвардейский Морской экипаж.

Полиция испуганно бездействовала, явно выжидая, чья возьмет. Рабочие, строившие Исаакиевский собор, приветствовали бунтовщиков и закидали камнями царских посланцев-генералов.

Тогда сам губернатор Петербурга, граф Милорадович, отправился на Сенатскую площадь уговаривать. И почти тотчас пришло с площади ужасное известие – убили Милорадовича. Всю войну с Наполеоном отважно провел губернатор, во всех сражениях участвовал, не схлопотав ни одной пули. «Счастливичик» – было его прозвище. И вот убили «счастливичика» не враги, а свои. Он прошел с войной невредимым все европейские столицы, чтобы погибнуть в своей!

Одно счастье – мятежники стояли на площади и не двигались.

Они дали Николаю необходимое время, и вокруг него собрались верные полки.

Но он не хотел вступить на престол в крови. Он посылает самого младшего брата – великого князя Михаила – уговаривать мятежников. Но Михаилу даже говорить не дали, чудом не убили. Дважды выстрелил в него безумец, и дважды пистолет дал осечку. И тогда Николай, окруженный верными преображенцами, сам отправился на площадь уговаривать... Но и ему подъехать мятежники не дали.

«Сделали по мне залп; пули просвистали мне чрез голову, и, к счастью, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов *начали кидать в нас поленьями*».

И тогда Николай отправил в атаку на мятежников верных конногвардейцев, но восставшие сумели отогнать их ружейным огнем.

Между тем начало темнеть.

«Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска были б в самом трудном положении».

В это время мать и бабка нашего героя пребывали в страхе.

Пока Саша ел котлетку, они сходили с ума от ожидания. Бедной бабке Александра уже все сообщили. Двадцать четыре года назад она увидела изуродованное тело убитого мужа-императора. теперь ей грозило увидеть убитым императора-сына. И рядом погибала от страха за мужа жена Николая, уже выучившая имена убитых гвардией русских госуда-

рей.

После этого дня у матери Александра навсегда остался нервный тик.

Не выдержав неизвестности, отправили на площадь находившегося во дворце знаменитого Николая Михайловича Карамзина.

Николай Карамзин – вождь сентиментального направления в русской литературе, находясь на вершине литературного успеха, изменил прежней Музе. Теперь он служил новой – божественной Клио. Карамзин стал историком. Именно здесь его ждало бессмертие. Его мечта – «одушевить русскую историю» – осуществилась. Первое издание его «Истории» было распродано за 25 дней. Изложенная блестящим писателем история России стала истинным открытием для русского общества, источником вдохновения для будущих русских писателей и предметом беспощадной критики для профессиональных историков.

Но в тот день автору знаменитой «Истории государства Российского» удалось своими глазами увидеть роковой миг русской истории.

Карамзин вернулся и рассказал о мятежных полках, стоявших на площади, в десяти минутах ходьбы от Зимнего дворца... И как собравшаяся вокруг площади чернь воплями восторга приветствовала их успехи... и как в него швыря-

ли камнями, когда он пытался подойти к мятежникам. Торопясь вернуться во дворец (возможно, ему пришлось бежать с площади), Карамзин потерял каблук и, сняв туфли, расхаживал теперь по парадной зале в одних носках. Он был в панике: «Неужто город Петра окажется во власти трех тысяч полупьяных солдат, безумцев-офицеров и черни!!!»

И Николай сделал самую последнюю попытку уговорить мятежные полки... Он прислал во дворец за митрополитом. Митрополит готовился к молебну по случаю восшествия на престол Николая. Теперь вместо этого митрополит в полном облачении отправился на площадь уговаривать восставших. Во дворце нетерпеливо ждали его возвращения. Но митрополит вернулся в отчаянии – ему пригрозили пулями и попросту прогнали с площади.

И состоялось кровавое решение.

«Генерал-адъютант Васильчиков (командующий гвардией), обратившись ко мне, сказал: “Ваше Величество, ничего не поделаешь: нужна картечь!”

– Вы хотите, чтобы я пролил кровь подданных в первый же день моего царствования?

– Чтобы спасти вашу империю, – ответил мне Васильчиков».

Так вспоминал Николай. Но скорее всего это обычная, столь любимая правителями версия, когда нужно ответить за пролитую кровь: «Я не хотел, но советники настояли».

На самом деле Николай любил историю и, конечно же, знал знаменитую фразу Бонапарта. Молодой Бонапарт, наблюдая чернь, захватившую дворец французского короля, сказал: «Какой осел этот король! Нужно было всего-то батарею, чтобы рассеять эту сволочь!» (Побежденный Наполеон оставался кумиром для победителей – русских военных.)

И Николай сам командовал пушками. Он жаждал отомстить за кровь отца и деда. Но главное – за свой страх.

В Зимнем дворце приехавшие присягать знаменитые вельможи в орденах и лентах молча сидели вдоль стен и тягостно ждали – кто победит.

Вдруг огромные окна дворца осветились, будто вспыхнули несколько молний. И раздался глухой удар. Это начали стрелять пушки. Первый выстрел был предупредительным – поверх голов мятежников и пришелся в здание Сената. Ядро застряло в стене, и Николай несколько лет запрещал его вынимать. Оставил на память безумным головам. Восставшие ответили беспорядочным огнем и криками: «Ура, Конституция! Ура, Константин!»

Но уже следующий залп прямой наводкой обратил их в беспорядочное бегство.

Услышав пушечный гром, бабка Александра воскликнула: «Боже мой! Что скажет о нас Европа! Мой сын вступает на престол в крови!» Но младший брат Михаил успокоил «любезнейшую матушку»:

– Это дурная, нечистая кровь!

И все вокруг начали радостно креститься. Вельможи поняли: появился настоящий Хозяин русской земли – строгий царь. И мать велела Саше тоже креститься.

А потом вбежал его отец, обнял бабушку, мать и детей. И все тотчас отправились в Большую дворцовую церковь. А там на коленях молились и благодарили Господа за избавление.

Потом маленького Александра одели в парадный гусарский мундирчик. И камердинер бабушки вынес его во дворцовый двор. Там, освещенные кострами, его ждали отец и гвардейцы. Это был тот самый Саперный батальон, спасший дворец.

Николай, подняв сына своего на руки, воскликнул: «Вот, ребята, наследник мой, служите ему верно». На что отвечали они: «Ура! Великий князь Александр Николаевич!» И тогда Государь повелел, чтобы из каждой роты первый в строю подошел его поцеловать, что и было исполнено.

По очереди они подходили к мальчику и целовали его, царапая шершавыми щеками и обдавая запахом дешевой махорки.

Маленький Саша плакал – ему не нравилось.

Восставших в том декабре в русской Истории стали именовать «декабристами». Любовь к ним станет паролем русской интеллигенции.

Декабристы

Но декабристы оставили нам загадку. Почему они стояли на площади в странном бездействии? Почему не напали на дворец, пока верные Николаю полки только собирались?

Разгадка – все в той же особенности заговора гвардии. Хорошо им было мечтать о свободе и Конституции за картами и пуншем, на балах и в гостиных. Теперь они увидели свободу воочию – в образе полупьяных темных солдат, верящих, что Конституция – это жена Константина, и звереющей толпы – разъяренной черни. Чернь уже разбирала поленья строившегося рядом Исаакиевского собора, готовясь приступить к разгрому столицы и, главное, к желанным грабёжам. И тогда кровавый призрак не столь уж давней Французской революции встал над мятежной площадью. Призрак террора. И декабристы испугались! Не понимая, что делать, эти гвардейские заговорщики и горстка штатских интеллектуалов бессмысленно топтались на площади вплоть до выстрелов пушек.

Перед сном маленького Александра повели проститься с папа... Комната была ярко освещена свечами.

Перед папа стоял арестованный гвардейский офицер. Руки у него были связаны офицерским шарфом (таким же, как тот, которым задушили императора Павла).

На софе у маленького столика сидел старый генерал – записывал показания арестованного. Допрашивал сам император.

Всю ночь, пока маленький Саша крепко спал, к отцу доставляли арестованных главарей восстания декабристов.

Впоследствии в этой самой комнате маленький Саша будет учиться.

Заря нового царствования

Первое утро в Зимнем дворце. Теперь Зимний дворец стал домом маленького Александра. Воспитатель Карл Мердер ведет его по дворцу... За покрытыми бронзой дверями кончаются их личные апартаменты. Здесь начинается анфилада парадных залов. За окном Нева, скованная льдом. Из огромных окон тянет ледяным ветром. Низкое кровавое зимнее солнце над Невой. Сверкает лед. Сверкают золотые и серебряные блюда, развешанные у дверей, сверкают каски кавалергардов. Они застыли у колонн, недвижные, как сами колонны.

Только близкие к царской семье люди имеют право *входа «за кавалергардов»* – в апартаменты семьи.

Их поставила когда-то императрица Елизавета. И с тех пор кавалергарды стоят здесь уже целых полвека.

Бабушка нашего героя по-прежнему боялась мнения Ев-

ропы, но Николай успокоил любезнейшую матушку. Он сам написал объявление о случившемся, которое должно успокоить Европу:

«В то время, как жители столицы узнали с глубокой радостью, что Государь Николай Павлович воспринял корону предков, в сей вожделенный день было печальное происшествие, которое лишь на несколько часов возмутило спокойствие в столице. В то время как новый Государь был встречен повсюду изъявлениями искренней любви и преданности, горстка подлецов гнусного вида во фраках...»

И все! Не было никакого восстания, никакой стрельбы, никаких пушек. Было досадное происшествие, не более. Взбунтовалась не гвардия, но всего несколько подлецов – штатских.

Открытие государя

Но ситуация по-прежнему была тревожной. На первых же допросах Николай узнал, что в заговоре были знатнейшие фамилии, потомки Рюрика и Гедимины: князя Волконские, Трубецкие, Оболенские и прочие фамилии, вошедшие в историю России. Их привозили на допросы из сырых от наводнений камер Петропавловской крепости в Зимний дворец, куда еще вчера являлись они на балы и дежурства в парадных мундирах, обвешанные боевыми орденами за подвиги в битвах с Наполеоном.

Ему не было и тридцати. Он отлично знал, как он непопулярен в столице. И рядом с ним – перепуганная, несчастная жена, дурно говорившая по-русски. А за окном дворца – короткие зимние дни, сменяющиеся опасной тьмою, и спесивый, враждебный ему Петербург.

И могущественные родственники тех, кто сейчас сидел в Петропавловской крепости.

Николай ожидал ответного удара от этой чванливой петербургской знати, чьи предки убили его деда и отца, ждал продолжения мятежа.

Но случилось неожиданное.

Оказалось, пушки и ядра моментально оздоровили общество. Со всех сторон слышались крики восторга: «Победа! Победа!» Будто неприятельская армия была повержена, а не горстка соотечественников. Молебны заказывали о спасении Отечества! Бывшие друзья, братья, любовники теперь именовались «государственными преступниками», и отцы с готовностью приводили детей к наказанию. «Вокруг не было отбою от добровольцев на роли палачей», – писал современник.

Но особенно усердствовали те, кого называли в обществе «либералами».

Именно тогда Николай понял важный закон русской жизни: если правитель тверд и расправа беспощадна, самыми трусливыми становятся те, кто вчера были самыми смелыми. Поэтому к участию в расследовании мятежа Николай и ре-

шил привлечь... вчерашних главных либералов.

Покойный император Александр I в начале своего царствования мечтал о великих реформах – об отмене крепостного права. И граф Сперанский стал тогда его главным сотрудником. Это был великий ум. Наполеон шутливо предлагал императору Александру обменять Сперанского на какое-нибудь королевство. Но потом, когда Александр I пережил свои юношеские мечтания и либералы стали непопулярны, Сперанского начали называть агентом Наполеона и даже вторым Кромвелем. И царь отправил графа в ссылку. Из ссылки опального Сперанского вернули только через 6 лет. Но для общества Сперанский оставался символом прежних либеральных идей. Как выяснилось на следствии, заговорщики хотели сделать будущим правителем республиканской России знаменитого графа Сперанского.

И Николай поставил Сперанского во главе Верховного уголовного суда – определять меру наказания «декабристам». Государь не ошибся в сломленном своими злоключениями вчерашнем либерале. Сперанский составил такой список кандидатов на виселицу, что Николай смог быть милосердным. Царь резко сократил список. Но пятерых все-таки приговорил к смерти. Причем Сперанский предложил четвертовать главных зачинщиков. И опять новый император смог быть милостив – заменил средневековое наказание

обычной виселицей.

Но произошло недопустимое – в России разучились вешать. Поэтому виселицу соорудили слишком высокой. Так что пришлось из находившегося по соседству с Петропавловской крепостью Училища торгового мореплавания принести школьные скамейки. Пятеро приговоренных декабристов поднимались один за другим на помост и становились на скамейки, поставленные под виселицей. Каждому обмотали шею веревкой, но когда палач сошел с помоста, в ту же минуту помост рухнул. Двое повисли, но трое других попадали вниз в разверстную дыру, ударяясь о лестницы и скамейки.

Несмотря на все обычаи, решили вешать заново... Помост поправили и вновь возвели на него несчастных упавших.

И герой войны с Наполеоном полковник Муравьев-Апостол сказал, вновь поднимаясь на помост: «Проклятая земля, где не умеют ни составить заговора, ни судить, ни вешать!» Под барабанную дробь опять затянули шеи веревками. На этот раз успешно.

Остальные участники осуждены были на каторжные работы, разжалованы в солдаты, утратили дворянство. Вчерашние блестящие гвардейские офицеры очутились на рудниках в Сибири.

Все царствование Николая знатные родственники уни-

женно просили помиловать декабристов. Но царь не слушал молений.

И когда одиннадцать женщин – жены и невесты осужденных – посмели отправиться вслед за мужьями в Сибирь, Николай постарался. Согласно закону о ссыльнокаторжных, аристократки потеряли не только привилегии дворянства, но и самые обычные гражданские права.

Общество должно было уяснить раз и навсегда – власть непреклонна.

И общество уяснило. Ретиво отсеклось от мятежников. Даже предалось спасительному сарказму:

В Париже сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует – понятное дело.
У нас революцию делает знать —
В сапожники, что ль, захотела?

– написала вчерашняя знакомая страдальцев – графиня Ростопчина.

После подавления мятежа Николай хорошо усвоил главный урок управления Россией. Урок, который он будет пытаться передать сыну.

«В Европе Государь должен обладать искусством быть то лисою, то львом. – Так учил политиков генерал Бонапарт. – В России – только львом».

Разгром декабристов стал концом политической роли гвардии.

С походами гвардии на дворец было покончено. Теперь покорная гвардия усердно занималась учениями. Николай сделал гвардию похожей на балет.

И, как это ни смешно, балет – похожим на гвардию.

Когда ставили балет «Восстание в серале», кордебалет должен был изображать янычар. Николай повелел научить балерин обращению с саблей. В балет были посланы унтер-офицеры. Балерины восприняли это как шутку. Но Николай не терпел невыполнения приказов даже балеринами. Царь был серьезен. Была холодная зима. Царь повелел сообщить, что нерадивых будут выгонять на мороз – заниматься на холоде – в балетных туфлях. Нерадивых больше не было. Даже среди балерин.

Его приказ. Теперь муха не могла пролететь без его на то повеления.

В Летнем саду, на середине лужайки стоял караульный – гвардеец с ружьем. И Николай однажды поинтересовался: «Зачем он тут стоит и что он тут охраняет?» Никто не мог ответить. Наконец нашелся старик – генерал-адъютант свиты. Он и вспомнил рассказ своего отца.

Однажды Великая Екатерина прогуливалась по Летнему саду и увидела первый подснежник, пробившийся из-под снега. Она попросила, чтоб цветок охраняли, пока она про-

должит прогулку. И так как императрица приказа не отменила, на этом месте полстолетия ставили часового.

Николаю рассказ очень понравился. И он пересказал эту историю тогдашнему послу в России Бисмарку. Добавив, что в дни Великого наводнения в Петербурге часовые, которых не сняли с постов, безропотно тонули в наступавшей стихии.

Приказ русского самодержца – приказ навсегда. И это должны были теперь понимать не только простые солдаты, но и вся страна.

И Бисмарку эта история тоже очень понравилась.

Таков был человек, под властью которого России предстояло прожить тридцать лет.

И тридцать лет суждено было Александру быть наследником престола.

Империя отца

Создание тайной полиции

Новый император, к которому опрометчиво относились с таким пренебрежением, становится одним из самых грозных царей в русской истории. Покончив с ролью гвардии, Николай сделал печальный вывод. Все правители, которые были до него, не знали, что творится в собственной столице.

Заговор и убийство его деда, Петра III, заговор и убийство отца – Павла I...

В них участвовало множество людей, но несчастные самодержцы узнавали о беде только в свой последний час. Несколько лет существовал заговор декабристов. Но восстание так и не предотвратили, и оно могло оказаться губительным для династии. Прежняя тайная полиция в России, говоря словами Николая, «доказала свое ничтожество».

И Николай решает создать новую, эффективнейшую тайную полицию. И все будущие русские спецслужбы выйдут «из-под николаевской шинели».

Царь задумывает учреждение, которое должно было уметь не только обнаруживать созревший заговор, но и сигнализировать о его зарождении, которое должно было не только узнавать о настроениях в обществе, но уметь дирижировать ими. Учреждение, способное убивать крамолу в зародыше. Карать не только за поступки, но за мысли.

Так в недрах Императорской канцелярии создается Третье отделение. Граф Александр Христофорович Бенкендорф был тот самый гвардейский генерал, написавший императору Александру I донос на декабристов, с некоторыми из которых граф прятельствовал. Этот донос был обнаружен в бумагах покойного царя – донос, оставленный им без внимания. Его прочел новый император. И Николай оценил труд графа. Бенкендорф приглашен был участвовать в создании

Третьего отделения. И вскоре граф – новый любимец нового государя – назначается главой («главноуправляющим») Третьего отделения.

Главнoуправляющий граф Бенкендорф докладывал и подчинялся только государю. Более того – все министерства контролируются Третьим отделением.

Петербург не сразу понял всеобъемлющие задачи очень серьезного учреждения.

Было только известно, что, объясняя задачи таинственного Третьего отделения, государь протянул Бенкендорфу платок и сказал: «Осушай этим платком слезы несправедливо обиженных».

Общество аплодировало.

Но уже вскоре столица поняла: прежде чем осушать слезы на глазах невинных, граф Бенкендорф решил вызвать обильные слезы на глазах виновных. И не только виновных, но и тех, кто *мог быть* виноватым.

Штат самого Третьего отделения был обманчиво мал – несколько десятков человек. Но ему было придано целое войско. Французским словом «жандарм» стали именоваться грозные силы русской тайной полиции... При Третьем отделении был создан Отдельный корпус жандармов. И главноуправляющий Третьим отделением стал шефом этих войск политической полиции.

Но и это было лишь вершиной мощного айсберга. Главная сила Третьего отделения оставалась невидимой. Это были тайные агенты. Они буквально опутывают страну – гвардию, армию, министерства. В блестящих петербургских салонах, в театре, на маскараде и даже в великосветских борделях – незримые уши Третьего отделения. Его агенты – повсюду.

Осведомителями становится высшая знать. Одни – ради карьеры, другие – попав в трудное положение: мужчины, проигравшиеся в карты, дамы, увлекшиеся опасным адюльтером.

«Добрые голубые глаза», – описывал Бенкендорфа современник.

Добрые голубые глаза начальника тайной полиции теперь следили за всем. Случилось невиданное: государь разрешил Бенкендорфу сделать замечание любимому брату царя, великому князю Михаилу Павловичу, за его опасные каламбуры. И обожавший острить великий князь пребывал в бесильной ярости.

Служба в тайной полиции считалась в России весьма предосудительной. Но Николай заставил служить в Третьем отделении лучшие фамилии. И чтобы голубой мундир жандармов стал почетным в обществе, он часто сажал графа Бенкендорфа в свою коляску во время прогулок по городу. С каждым годом Николай «с немецкой выдержкой и акку-

ратностью затягивал петлю Третьего отделения на шею России», – писал Герцен. Вся литература была отдана под крыло тайной полиции. Царь знал: с острых слов начинались мятежи в Европе.

Николай запретил литераторам не только ругать правительство, но даже хвалить его. Как он сам говорил: «Я раз и навсегда отучил их вмешиваться в мою работу».

Был принят беспощадный цензурный устав. Все, что имело тень «двоякого смысла» или могло ослабить чувство «преданности и добровольного повиновения» высшей власти и законам, безжалостно изгонялось из печати. Места, зачеркнутые цензурой, запрещено было заменять точками, чтобы читатель «не впал в соблазн размышлять о возможном содержании запрещенного места».

В сознание русских литераторов навсегда вводилась ответственность за печатное слово. Причем эта ответственность была не перед Богом, не пред совестью, но перед императором и государством. Право автора на личное мнение, отличное от государева, объявлялось «дикостью и преступлением».

И постепенно русские литераторы перестали представлять себе литературу без цензуры. Великий страдалец от цензуры, свободолюбец Пушкин искренне писал:

... Не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной.

Что можно Лондону, то рано для Москвы.

Последняя строчка стала почти пословицей... Цензорами работали знаменитые литераторы – великий поэт Тютчев, писатели Аксаков, Сенковский и другие.

Бенкендорф, не отличавшийся любовью к словесности, должен был теперь много читать. Печальное, помятое, усталое лицо пожилого прибалтийского немца склонялось над ненавистными ему рукописями. Сочинения литераторов читал и сам царь.

Царь и глава Третьего отделения становятся верховными цензорами.

Друг государя

О Третьем отделении начинают ходить страшноватые легенды. Утверждали, что в здании на Фонтанке, где оно размещалось, заботливо сохранялась «комната Шешковского» – с удивительным устройством пола.

Шешковский во времена Екатерины Великой был негласным главой тайной полиции. Императрица, переписывавшаяся с Вольтером, отменила пытки, но кнут существовал. И Шешковский нашел ему самое поучительное применение.

Уличенного в вольномыслии дворянина вызывали к сему господину. Шешковский встречал его с превеликим дружелюбием. Сажал в кресло, немного журил за содеянное. Вы-

званный уже считал, что все счастливо обошлось. Как вдруг Шешковский отворачивался к иконам, висевшим во множестве в его кабинете, и начинал усердно, в голос молиться. И тотчас пол под проштрафившимся господином стремительно опускался. И филейная часть несчастного поступала в полную власть людей с розгами, находившимися под полом. Проворные руки спускали штаны, и дворянина, как жалкого раба, пребольно, долго пороли – до крови на заднице. Несчастный кричал от боли, проклинал Шешковского, но палач продолжал преспокойно молиться. После чего те же руки надевали на несчастного штаны, заботливо оправляли платье, и стул с высеченным поднимался. И Шешковский как ни в чем не бывало оборачивался и ласково продолжал беседу..

Причем этим дело не кончалось. Вскоре о случае (Шешковский продолжал заботиться!) узнавали в полку. Выпоротый и, значит, по кодексу дворянской чести, обесчещенный дворянин вынужден был уходить в отставку.

Бенкендорф немного играл в знаменитого Шешковского, когда, глядя своими добрыми глазами, ласково и беспощадно допрашивал провинившегося.

Как повелось в России, не смея осуждать царя, осуждали холопа. Все были уверены, что беспримерное могущество тайной полиции создал сам Бенкендорф.

И периодически в обществе возникал счастливый слух,

что «палач мысли» Бенкендорф, наконец-то, попал в немилость, и государь его убирает.

Так, после гибели на дуэли нашего великого поэта в обществе упорно говорили, что государь весьма гневается. И оттого, что Бенкендорф не сумел предотвратить дуэль, погубившую гения русской литературы, отставка его решена.

Самое смешное – слуху, видно, поверил и сам всеведающий глава Третьего отделения. И, как положено чиновнику в России во время государевой немилости, Бенкендорф тотчас «тяжело заболел». Общество злорадствовало.

И тогда сам государь навел «тяжело больного»! Тотчас в доме Бенкендорфа началось столпотворение. Все те, кто еще вчера радостно кляли графа, бросились засвидетельствовать свое участие. Сотни визитных карточек были оставлены в приемной.

На самом деле это был один из тестов государя – еще одна проверка общества на покорность. Бенкендорф, как и остальные министры, был всего лишь куклой в руках Николая I.

Но когда Бенкендорф умер, государь повелел сделать его бюст. И поставил в своем кабинете. Чтобы не забывали, как ценит государь свою полицию.

Николай относился к России, как учитель к вечно жаждущим нашкодить детям. Он был очень строг и заботился, чтобы дети не очень выросли. Так ими удобнее было управ-

лять. Как говорил его министр просвещения Уваров: «Если я сумею продлить детство России еще на полстолетия, то буду считать миссию выполненной».

И император с удовлетворением мог подвести итог: «В России все молчит, ибо – благоденствует».

«Сначала мы судорожно рвались на свет. Но когда увидели, что с нами не шутят; что от нас требуют безмолвия и бездействия; что талант и ум осуждены в нас цепенеть и гноиться на дне души, что всякая светлая мысль является преступлением против общественного порядка, когда, одним словом, нам объявили, что люди образованные считаются в нашем обществе париями; что солдатская дисциплина признается единственным началом, – тогда все юное поколение вдруг нравственно оскудело».

Так писал в своем знаменитом дневнике А. Никитенко. Умнейший критик, которому пришлось работать цензором. Никитенко не раз отправляли на гауптвахту за попытку, как он писал, «оказывать тайные услуги литературе». То бишь за недостаточную бдительность.

Его дневник – красноречивый рассказ о том, как время Николая I убивало в человеке талант и энергию, заставляло понять, что «единственная мудрость у нас – это молчание и терпение».

Предтеча большевиков

Идею величия власти олицетворял сам облик императора.

«Николай был красив, но красота его обдавала холодом; нет лица, которое бы так беспощадно обличало характер человека, как его лицо. Черты выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное— глаза...» (Герцен).

Царственный взгляд Николая I, который до смерти не могли забыть его придворные. Беспощадный взгляд самодержца, которому тщетно пытался подражать наш герой – его сын. И император постоянно пробовал этот взгляд, «имевший свойство гремучей змеи – останавливать кровь в жилах...»

Не наделенный глубоким умом и образованием, отец Александра был наделен чудовищной волей и работоспособностью. В своем кабинете на первом этаже Зимнего дворца он работал до позднего вечера. Спал он здесь же, по-спартански – на железной солдатской кровати, укрытый солдатской шинелью. И, засыпая в кабинете на своей походной постели, он видел мраморный лик верного пса Бенкендорфа.

Николай занимался решительно всем. Но прежде всего он занимался идеологией.

Кроме создания тайной полиции, Николай сделал еще

один великий вклад в создание тоталитарного государства. При нем была создана идеологическая формула, которая переживет империю: «Самодержавие, Православие и Народность – вот три кита, на которых должна стоять Россия». Формула была придумана все тем же министром просвещения Уваровым.

И его сыну Александру не раз напомнят об этой бессмертной формуле.

«Народность». Это казалось смешным в империи, где все высшее общество говорило по-французски и самую влиятельную часть двора составляли исключительно немецкие фамилии, где в самих царях было больше 90 процентов немецкой крови.

На самом деле – это было великое изобретение. Рабскому, покорному обществу была дана необходимая игрушка – великая гордость. Страна крестьян-рабов, которых можно было продать, купить, проиграть в карты, была объявлена светочем цивилизации. В многочисленных сочинениях писалось о неминуемом крахе гнилой, устаревшей Европы, в которую только Россия сможет и должна влить свежую кровь. Причем рассуждения рождались совершенно комические— Надеждин, редактор либерального журнала «Телескоп», славил, к примеру, «могущество нашего русского кулака», несравнимого с хилым кулаком европейца. И кулак действительно был могуч – миллионы крепостных ежеднев-

но убеждались в величии отечественного мордобития.

И конечно, славили любимое детище царей – русскую армию – опять же самую великую в мире армию, состоявшую из бесправных крепостных рекрутов, где процветали все те же мордобитие, жесточайшие телесные наказания.

И царь, и полунемецкий двор, говоривший по-французски, высоко поднимают это знамя русского национализма – знамя самодержавия.

Самодержавие объявлено главной причиной несравненного величия России. Русский народ – народ великих царей, русский царь – наследник царей библейских. «Только самодержавие соответствует духу русского народа», – объявил Николай.

Величие самодержавия и народности дополняется идеей величия и незыблемости православия, неразрывно связанного с самодержавием.

На самом деле связаны были пережитки язычества. Как римский кесарь был религиозным главой, так и русский царь, взяв его титул, стал главой церкви. Как и кесарь, царь – языческий бог. И солдаты, отвечая на приветствие Николая I, истово крестились, как перед иконой. Железнодорожные сторожа, встречая поезд нашего героя Александра II, будут осенять себя крестом и класть земные поклоны. Придворные не отличались от простолюдинов, воспринимали царя как живое божество.

«Никто лучше него (Николая I) не был создан для роли

самодержца. Его внушительная красота, величавая осанка, строгая правильность олимпийского профиля – все, кончая его улыбкой снисходящего Юпитера, дышало в нем *земным божеством*... В воздухе дворца было что-то *торжественное, благоговейное*. Люди во дворце говорили вполголоса, ходили немножко горбясь... чтобы казаться услужливее... все было наполнено присутствием Владыки» (фрейлина Анна Тютчева).

Эта триада – самодержавие, православие и народность – окажется бессмертной в России.

И создавая империю большевиков, Сталин скажет: «Русскому народу нужен Бог и царь». И, сделав себя царем и богом, Сталин превратит марксизм-ленинизм в новую религию.

И состоится великий парадокс – созданная русскими радикалами, империя большевиков станет удивительно напоминать империю ненавистного им Николая I!

И слова Герцена, произнесенные им в середине далекого XIX века: «Коммунизм – это всего лишь преобразованная николаевская казарма», окажутся страшноватым пророчеством.

Ну а что же наш герой Александр? Все эти три десятилетия тень железного отца совершенно заслоняет его.

Как воспитать цезаря

Николай и Александра

Наш герой рос в счастливой семье

Отец и мать были красивой семейной парой. Николай, непреклонный гигант, и его жена, императрица Александра Федоровна, – хрупкая, нежная, с лазоревыми глазами. В этом несходстве была великая гармония их брака.

Они были первые Николай и Александра на троне. И столь же нежно любили друг друга, как последние коронованные Романовы – Николай II и Александра. Правда, в их нежной любви был некоторый *нюанс*... Но об этом— потом.

Рядом с великолепным Петергофским дворцом, соперничающим с Версалем, Николай построил небольшой коттедж, именовавшийся в честь жены «Александрией». Здесь государь отдыхал и от забот, и от грандиозности колоннад, мрамора, позолоты императорских дворцов. Здесь жили дети. Низенькие потолки, небольшие комнаты, увешанные картинами, уютный кабинет Николая на втором этаже – с великолепным видом на бескрайнюю даль залива. И вокруг – поля и леса.

Наследнику Саше пошел восьмой год, и пора было всерьез заняться образованием цесаревича.

Собирается семейный совет и единогласно решает – пригласить главным воспитателем наследника Василия Андреевича Жуковского – знаменитого поэта, отца русского романтизма.

Воспитатель-романтик

О доброте и сентиментальности Жуковского ходили анекдоты. Поэту было 17 лет, когда закончился XVIII век. Но вечный романтик навсегда остался человеком галантного века. Само его появление на свет было весьма романтичным.

Во время войны с турками была захвачена в плен красавица-турчанка. И крепостные крестьяне, служившие в армии, подарили восточную красавицу своему барину. Тот крестил ее и, конечно же, сделал своей наложницей. Так появился на свет плод любви – Василий Жуковский.

Сын турчанки и богатейшего русского помещика получил блестящее образование в Московском университетском пансионе, где учились дети московской знати. Многие из его товарищей по пансиону станут элитой царствования – будущими министрами, придворными и прочими властителями дум грядущей эпохи.

Юный Жуковский переживал двусмысленность своего положения, но его удивительное сердце нисколько не озло-

билось. Оно «разбилось в музыку».

Он начинает писать стихи, сразу получившие признание. Во время войны с Наполеоном его патриотические строки повторяла вся Россия.

Но двери дворца открыла ему не слава поэта, а переводы с немецкого. Немки-императрицы: вдова Павла I, Мария Федоровна, и мать нашего героя, императрица Александра Федоровна, обожали Шиллера и немецких романтиков. И были в совершеннейшем восторге от переводов Жуковского и, главное, от бесед с ним о любимых поэтах.

Жуковский получает должность чтеца при вдовствующей императрице. Он же учит русскому языку молодую императрицу. Короче, Жуковский был «свой» во дворце и в семье. И когда возник вопрос о воспитателе наследника, ответ был ясен.

И для общества (старавшегося забыть те дни, когда называли императора «солдафоном») решение пригласить Жуковского показалось желанным и красивым – великий поэт воспитывает будущего великого государя.

Жуковский был холост. Как и положено истинному поэту-романтику, влюбившись в молодости и будучи отвергнутым, сей рыцарь продолжал хранить верность своей любви. И маленький Саша был ему вместо сына.

Впрочем, на склоне лет Жуковский получит награду. Се-

довласый поэт на 56-м году влюбится в 16-летнюю девуцу! И она разделит чувства поэта. Брак будет счастливым, у них будут дети.

И впоследствии его достойный воспитанник Саша вспомнит об учителе, когда на пятом десятке влюбится навсегда в 17-летнюю девушку.

Но все это впереди, а сейчас наследнику восьмой год. И Жуковский целиком посвящает себя царственному отроку. Поэт писал сестре: «Моя настоящая должность заберет все время... Прощай навсегда поэзия с рифмами. Поэзия другого рода теперь со мной».

Ведь в его руках сейчас – будущее России.

Жуковский составляет 10-летний план «Путешествия» – так назвал поэт воспитание наследника. Как все в России, план воспитания наследника утверждается отцом – государем. И Николай начинает пристально следить за его осуществлением, порой весьма жестко поправляя воспитателя.

«Путешествие» началось

Жуковский воспитывает наследника как истинного христианина, то есть монарха, способного сочувствовать страдальцам.

Как-то после урока Николай пришел в класс, где маленький Саша занимался историей со своим воспитателем. Это была та самая комната, где когда-то Николай допрашивал декабристов.

В Николае, видно, проснулись воспоминания. Он знал, что добрейший Жуковский слишком много говорит с маленьким Сашей о христианском всепрощении. И император спросил сына:

– Как бы ты поступил с мятежниками-декабристами?

Мальчик ответил по-евангельски, как учил его добрейший Жуковский:

– Я всех простил бы!

Николай ничего не сказал, просто молча ушел.

И только потом он скажет ему, тряся сжатым кулаком и повторяя, повторяя: «Вот чем надо править! Запомни: умри на ступенях трона, но власть не отдай!»

Наследник необычайно красив – истинный принц. Но, с точки зрения отца, излишне женственен, у него слишком нежная душа... Когда уезжает императрица, Саша, как и положено ученику романтического поэта, отправляет вдогонку матери букет гелиотропа. Он обожает одиночество и мечтательное размышление. Но Николай желает, чтобы сын был мужествен.

И царь потребовал у Жуковского, чтобы наследника воспитывали в окружении сверстников. Выбраны были двое

мальчиков – дети придворных – Александр Паткуль и Иосиф Вильегорский.

Жуковский, к радости отца, составляет беспощадное расписание занятий этой троицы.

Подъем в шесть утра. Уже в семь наследник обязан был сидеть в классе вместе с двумя товарищами. Пять часов до полудня идут занятия. Никто, даже государь, не имеет права входить в святая святых – классную комнату во время занятий. В полдень – два часа на прогулку.

Жуковский и три его ученика выходят из дворца и идут пешком по Петербургу. Здесь, на улице, занятия продолжают.

Одетый в военный мундирчик мальчик обязан «внимательно обозревать встречающиеся по дороге общественные здания, учебные и научные учреждения, промышленные заведения и прочие примечательности». И беседовать о них с воспитателем.

«Учись с детства читать книгу, которая должна принадлежать тебе по рождению. Книга эта – Россия» (Жуковский).

Во время прогулок читаются вслух стихи. И, подобно Сенке в его знаменитых письмах, Жуковский дарит главному воспитаннику свои афоризмы-наставления на грядущую жизнь.

Афоризмы Жуковского:

«Власть царя над человеком происходит от Бога, но не делай эту власть насмешкой над Богом и человеком». «Уважай закон. Если законом пренебрегает царь, он не будет храним и народом». «Люби и распространяй просвещение. Народ без просвещения – это народ без достоинства. Им легко управлять, но из слепых рабов легко сделать свирепых мятежников». *«Революция есть губительное усилие перескочить из понедельника прямо в среду. Но и усилие перескочить из понедельника в воскресенье столь же губительно».*

Афоризмы процenzурованы «лучшим из отцов» и повторяются самим Николаем во время его редких прогулок с сыном.

Час на обед и с трех часов до пяти – опять занятия. Час на отдых, и вот уже мальчики переодеваются для спортивных игр. С 7 до 8 у них гимнастика и подвижные игры. Ужин в 10 часов после «нравоучительной беседы с родителями». После ужина – молитва и сон.

Вот список предметов, которым учили в России 13-летнего наследника: история, русский, математика, физика, философия, геология, законоведение, французский, английский, немецкий и польский языки, рисование, музыка, гимнастика, плавание, фехтование, танцы, военные науки, токарное дело и прочее, и прочее.

Лучшие умы России преподают науки наследнику. Граф Сперанский будет преподавать ему юриспруденцию. Госу-

дарь не боится прежнего вольномыслия графа. Он знает, как благотворно подействовала ссылка на прежнего свободолюбца, и его участие в суде над декабристами это доказало. Сперанский учит наследника незыблемости самодержавия: «Нет такой власти на земле, ни в границах, ни за границами империи, которая могла бы положить конец верховной власти российского монарха. Этой власти служат все законы империи».

По воскресеньям вместе с другими детьми придворных – Сашей Адлербергом, Павлом Барановым, Шуваловыми – он участвует в молодецких забавах, которые так ценит воинственный папа.

На верхней площадке у Большого дворца стоит императрица. Рядом с ней – мраморный столик с детскими призами. Отсюда, с площадки Большого дворца, открывается вид на водяную феерию – на знаменитый Большой каскад петергофских фонтанов. 64 фонтана выбрасывают в небо мощные струи воды. Вода струится по мраморным ступеням... Сверкают бронзовые статуи античных богов.

В самом низу каскада, у фонтана «Самсон», император выстроил мальчиков. И по команде Николая вся орава бросается вверх – мальчики бегут по скользким ступеням сквозь бьющие ледяные струи воды. Тысяча шагов сквозь водяной занавес. Пощады нет! Все хотят быть первыми.

Счастливых мокрых участников награждает императрица

конфетами и книгами. Главный приз – благосклонная улыбка императора... Но сегодня она достается тезде наследника, ловкому Саше Адлербергу. Сын министра двора прибежал первым. И отец стыдит Сашу – сын императора должен быть *всегда* первым. Наследник престола должен нести свое великое бремя.

Обычный мальчик может порой полениться, быть капризным и непослушным. И это позволяется его соученикам-сверстникам. Но не ему.

Огромный, величественный император постоянно объясняет сыну: «Ты должен всегда помнить: только всей своей жизнью ты можешь искупить подаренное тебе Господом происхождение».

И все это время наследник обязан вести дневник, где аккуратно должен сам записывать все свои прегрешения.

«К.К. (воспитатель Карл Карлович Мердер) в продолжение дня был мною доволен», – отчитывается в понедельник восьмилетний наследник.

Однако во вторник, 12 января, у наследника большие неприятности, о которых должен написать: «Учился не совсем хорошо. К.К. не совсем доволен: дразнил сестрицу Марию Николаевну и кончил писать без приказанья».

Добрейший Жуковский любит его и прощает ему многое. Но есть и другой воспитатель – Карл Мердер, посвящающий Сашу в тайны военного дела. Мердер тоже любит Сашу, но

– к радости лучшего из отцов – беспощадно преследует все, что может помешать ему стать истинным воином. Мердера пугает яростная вспыльчивость наследника, но еще больше – странная меланхолия, которая порой повергает его в абсолютное бездействие. И очень тревожит постоянная слезливость Саши, так не идущая истинному воину.

Теперь маленький наследник обязан записывать в дневник (который так внимательно читает лучший из отцов) отдельно об этих прегрешениях.

30 марта. «Дурно писал и плачу без причины».

1 апреля. «Учился хорошо. Ударил себя прикладом и было заплакал».

Александр и вправду обожает плакать. И когда строгий Мердер умрет, шестнадцатилетний Саша уткнется головой в подушки дивана и долго никто не сможет остановить поток его слез.

Эти слезы – подарок любимого воспитателя Жуковского.

Сентиментальный поэт часто плачет. Плачет от восторга, читая Шиллера, от непослушания воспитанника, от воспоминаний о неудачной любви. Поэт принес эти частые слезы из прошлого века. В XVIII веке в России было модно быть чувствительным. Когда прабабка нашего героя Екатерина Великая рассказывала о деяниях Петра Великого казанскому дворянству, весь зал рыдал от величия дел Петра. Когда Екатерина читала свой «Наказ» депутатам Уложенной

комиссии, законодатели рыдали в голос от мудрости государыни. Когда у Екатерины умер ее любовник Александр Ланской, вместе с нею горько обливался слезами – «выл от горя» – ее другой любовник, весьма жесткий человек князь Потемкин.

Это не была слезливость – это была великая чувствительность галантного века. И маленький Александр перенял ее у поэта. И через полвека, подписывая последние свои указы, он будет рыдать от волнения.

Николай ненавидел эти слезы. И мальчику не раз доставалось за них.

Но отец знает лекарство от слез и глупой чувствительности. Это любимая Николаем I, отцом Николая I Павлом I и дедом Петром III – муштра. И Николай требует, к восторгу Мердера, – больше занятий фрунтом!

Жуковский возражал смело: «Я боюсь, что тогда Его императорское Высочество будет считать, что народ – это полк, а страна – это казарма».

Но Николай благодушно позволяет Жуковскому ворчать. Он знает, что его плаксивый Саша, как и все Романовы, обожает армию.

В шесть лет его посадили на лошадь, и ему понравилось! В восемь лет он с восторгом скакал на фланге лейб-гусарского полка... И во время коронации Николая главным шоу коронационных торжеств в Москве стал восьмилетний «на-

следник на коне».

«В 7 часов утра Александр Николаевич в полной парадной форме лейб-гвардии гусарского полка поскакал к Петровскому дворцу. Здесь сел на приготовленного для него арабского коня и полетел к императору, мимо коего уже проходили церемониальным маршем войска – 67 000 человек... Вся Москва выбежала смотреть эту величественную картину, – с восторгом писал счастливый Карл Мердер. – Появление наследника на чудесном коне, коим он управлял с невероятной ловкостью, все затмило».

Через несколько дней триумф повторился. «Все от него были без ума, особенно дамы», – шутливо записал Мердер. И прибывший на торжества наполеоновский маршал Мармон (тот самый, который предал Бонапарта, – открыл союзникам дорогу в Париж) восхищался в тот день маленьким наездником. И строгий отец, наконец-то, вслух выразил высочайшее одобрение. А как им гордился его дед – прусский король, которому написали об этом событии!

Как и все Романовы, Саша обожает строй гвардии, блеск кирас, обнаженных сабель, медных касок с орлами. Он даже нарисует новую форму гренадерам.

Да, наследник русского престола обязан быть «военным в душе».

«Россия есть государство военное, и его предназначение быть грозою света». Эту фразу *лучшего из отцов* ввели в учебники для кадетских корпусов. И вообще штатский че-

ловек «потерян в нашем веке», объяснял сыну государь.

И Саша это с восторгом понимает.

Он жаждет военного строя и скучает, издавая под руководством поэта журнал «Муравейник», который царь все-ррез беспощадно цензурует!

Как насмешливо сказал граф Петр Панин: «Я думаю, пока в их семье не родится государь-калека, Романовы не отучатся от этой любви к армии».

И Николай, несмотря на все протесты Жуковского, отправил десятилетнего Сашу заниматься в кадетский корпус. Его будут учить суровому солдатскому ремеслу, он станет унтер-офицером, чтобы в тринадцать лет стать штабс-капитаном и принимать участие в столь любимых отцом парадах.

Впрочем, Николай готов простить Жуковскому его борьбу со столь ценимой государем муштрой. Потому что главное, о чем заботится Жуковский и ежедневно прививает наследнику, – культ отца и беспрекословное ему послушание.

«Никогда не хвалите великого князя», – просит умный царедворец государя к его восторгу! «Простое ласковое обращение Вашего Величества – это уже есть высочайшая награда». «Его Высочество должен трепетать при мысли об упреке отца». «Мысль об одобрении отца должна быть тайной совестью Его Высочества».

И когда мальчик осмеливается быть непослушен, на Сашу обрушивается отцовский гнев, которого страшится вся Рос-

сия.

– Уходи прочь! Ты не достоин подойти ко мне после такого поведения; ты забыл, что повиновение – есть долг священный. Я все могу простить, кроме непослушания!

И отец сулит самое страшное наказание для маленького Романова:

– Я лишу тебя права носить парадный мундир на целый месяц, если когда-нибудь еще покажешь малейшее непослушание!

Отец. Страх перед отцом. Послушание, повиновение. Отец – как идеал для подражания. Идол – во всем.

Отец спит на походной кровати, прикрывшись старенькой солдатской шинелью, на тоненьком тюфячке, набитом сеном. Отец с утра одет в мундир – он презирает халат. Даже когда болеет, Николай носит вместо халата старенькую шинель. «И ею он укрывался» (фрейлина Мария Фредерикс).

И все это будет стараться соблюдать Александр. И походная постель будет стоять в его кабинете, и умирать он будет на ней. Как отец.

«Все это делалось так скрытно, так порядочно»

Но как он ни старается подражать отцу, он – мамин сын. Отец следит за его занятиями, но так редко с ним разговаривает. Отец суров, мать нежна. Со своими бедами он идет

к ней.

Фрейлина Анна Тютчева рисует портрет матери нашего героя:

«Дочь прусского короля, она приехала из Германии, где все бредили чувствительной поэзией Шиллера... Ее нежная натура и неглубокий ум заменили чувствительностью принципы. И Николай питал к этому хрупкому, изящному созданию страстное обожание сильной природы к существу слабому, покорно сделавшему его единственным властителем и законодателем. Николай поместил ее в золотую клетку дворцов, великолепных балов, красивых придворных. И в своей волшебной темнице она ни разу не вспомнила о воле. Она позволяла себе не замечать никакой жизни за пределами золотой клетки. Она обожала и видела только красивое, счастливое. И когда однажды она увидела поношенное платье на девушке, которую представили ко двору, она заплакала».

Да, императрица производила впечатление очаровательной, постоянно щебечущей, легкомысленной птички. И это так нравилось государю! Как и Наполеон, Николай ненавидел умных женщин, вмешивающихся в политику.

Николай и Александра – гармоничная пара. Двор с восторгом славит вслух их неумирающую любовь.

Но зато шепотом... Дворец полон слухов, и мальчишки в переходном возрасте гадко наблюдательны. И уже Саша узнает, что фрейлина матери, живущая здесь же, в Зимнем дворце, главная придворная красавица Варенька Нелидова

– любовница отца! Каково было ему представить, что папа соединил под одной крышей мать, которую так боготворит, и эту красавицу!

Как и положено в этом грешном возрасте, Саша теперь следит за всем и видит все другими, грешными глазами... Адам, вкусивший запретный плод... Пришлось ему узнать и про молоденьких фрейлин, внезапно исчезающих из дворца. Все они были выданы замуж за офицеров лейб-гвардии... и стремительно рожали. Вот привезли красотку-мещаночку с каким-то прощением, и сам император вдруг решил ее принять. И она выходит из его кабинета улыбающаяся, счастливая, чтобы больше никогда не появляться во дворце. Так что уже в отрочестве Александру пришлось узнать то, что впоследствии написал в своей знаменитой книге о России маркиз де Кюстин:

«И как помещик распоряжался и жизнью, и желаниями крепостных, так и царь здесь распоряжается всеми подданными. Он одарил вниманием не только всех юных красавиц при дворе – фрейлин и дам, но к тому же девиц, случайно встреченных во время прогулки. Если кто-то ему понравился на прогулке или в театре, он говорит дежурному адъютанту. И она подпадает под надзор. Если за ней не числилось ничего предосудительного, предупреждали мужа (коли замужем) или родителей (коли девица) о чести, которая им выпала... И царь никогда не встречал сопротивления своей при-

хоти. В этой странной стране переспать с императором считалось честью. для родителей и даже для мужей...»

Об этом хорошо знали в Петербурге, и это был «обыкновенный порядок».

И наш знаменитый критик Добролюбов писал: «Обыкновенный порядок был такой: девушку из знатной фамилии брали во фрейлины и употребляли ее для услуги благочестивейшего, самодержавнейшего нашего Государя».

Но путешествовавший по России Кюстин так и не понял, кем был для подданных царь. «Самодержавнейший государь» Николай I – это не «помещик, распорядившийся крепостными», но грозный бог, спустившийся с Олимпа.

«Я выросла с чувством не только любви, но и благоговения... на Царя смотрела, как *на нашего земного бога*, поэтому неудивительно, что к этому чувству примешивался ничем не объяснимый страх... – пишет 19-летняя красотка Мария Паткуль (ставшая женой того самого Саши Паткуля, который воспитывался с наследником. – Э.Р.). Распахнулась дверь красного кабинета императрицы, вышли Их Величества. Бог мой, как затрепетало у меня сердце. Я чувствовала, что ноги подкашиваются, прислонилась к бильярду и, опустив глаза и наклонив голову, сделала низкий поклон. Подняв глаза, я увидела, что Их Величества направляются прямо ко мне.

Когда они подошли, я еще раз присела, а императрица, обратясь к государю, сказала: “Дорогой друг, я представляю

тебе жену Паткуля”. На это государь, протягивая мне свою державную руку, поклонился со словами: “Прошу любить и жаловать”. Я была так поражена этим неожиданным и столь милостивым приветствием, что не могла ответить ни слова, покраснела и в первую минуту не могла сообразить, приснились ли мне эти слова Царя и действительно ли это было наяву... Могла ли я допустить когда-нибудь возможность, что Государь, этот колосс Русской земли, обратится к 19-летней бабенке со словами: “Прошу любить и жаловать”?».

И быстротечное внимание императора, которым он мог осчастливить красотку, не было «прихотью помещика», но даром самого Зевса.

Но все похождения Зевса окружены непроницаемой тайной.

«Все *это*, – писала впоследствии фрейлина Мария Фредерикс, – делалось так скрытно, так порядочно, никому и в голову не приходило обращать на это внимание».

Попробовали бы «обратить внимание» эти придворные рабы, вымуштрованные Николаем холопы!

И когда одна из фрейлин, слишком преданных императрице, решила осторожно намекнуть ей о Вареньке Нелидовой, главной любовнице Николая, императрица попросту не поняла ее намека, а глупая фрейлина быстро исчезла из дворца! Императрица, которую Анна Тютчева и фрейлины считали неумной, слепой, была умна и зорка. И в совер-

шенстве овладела труднейшим искусством – жить с пылким мужчиной из дома Романовых. Она продолжала беззаботно щебетать в своей золотой клетке. И император был ей воистину благодарен и горячо любил ее.

И когда она болела, отец нашего героя трогательно дежурил у ее кровати до самого позднего часа. Императрица умоляла его не делать этого, боялась что из-за нее обожаемый супруг недосыпает. Чтобы ее не волновать, Николай делал вид, что уходит. На самом же деле царь уходил за ширмы и там неслышно снимал сапоги. «Надо было видеть, как этот величественный исполин осторожно, на цыпочках выходил из-за ширм и бесшумно расхаживал в носках. Он боялся оставить больную хоть на минуту» (Анна Тютчева).

Боялся, что птичка может улететь из своей золотой клетки.

Уже отроком Александр начинает ощущать этот безумный чувственный огонь, который получил в наследство. Огонь, сжигавший всех Романовых— Петра... Елизавету... Екатерину... Павла... Александра I... и его отца.

Зимний дворец с самого начала был хранителем этого огня. И тени императоров-любовников, и предания о безумных в похоти императрицах создавали ауру чувственности, которая продолжала жить в великолепных покоях.

Петр III – первый обитатель Зимнего дворца – начал эту традицию, поселив во дворце свою любовницу Воронцову... Здесь, в Зимнем дворце, став императрицей, Екатерина по-

меняла тринадцать официальных любовников... А сколько мгновенных участников «случая» знал дворец!

Когда ей было за шестьдесят, ее последнему, тринадцатому, фавориту Платону Зубову было немногим больше двадцати. И в ответ на скрытые упреки великая прабабка нашего героя отвечала насмешливо: «Отечество должно быть мне благодарно за то, что я усердно воспитываю для него блестящих молодых людей».

Поклонение женской красоте заставляло его деда Павла I постоянно «указывать на какую-нибудь прекрасную Дульсинею», и его услужливые холопы «принимали к сведению, стараясь немедленно исполнить желание господина» (кавалергард Скарятин).

И, как призраки, ходили по дворцу потомки августейших грехов, награжденные титулами. Граф Бобринский – потомок незаконного сына прапрабабки Екатерины – был товарищем игр маленького Саши. Имел несколько незаконных детей его дед Павел. И будущая подруга последней русской царицы Александра Вырубова – это семья Павла, его потомка.

И у Александра I была любимая дочь от графини Нарышкиной. Когда девочка безвременно умерла, Зимний дворец погрузился в траур. И все, включая императрицу, утешали несчастного императора.

И вот теперь в Зимнем дворце рядом с матерью живет Варенька Нелидова – красавица с мраморными плечами, высо-

кой грудью и осиной талией.

И отрок Александр дает волю романовской чувственности. Он подсознательно ощущает – здесь, наконец-то, свобода для своеволия, без которого так трудно в его возрасте. Здесь отец, у которого рыльце в пушку, давить не посмеет.

И Саша влюбляется. И серьезно. В 14 лет он влюбился во фрейлину матери Наталью Б. (будем беречь честь дам былых времен).

И он не умеет скрывать свои увлечения. Он не умеет «...прилично... скрытно». «Каждая новая страсть тотчас на его лице», – напишет о нем фрейлина Александра Толстая (дальняя родственница великого писателя).

– Он постоянно влюблен и оттого благожелателен, – скажет Бисмарк, тогдашний посол Пруссии в Петербурге.

С отрочества и до смерти Александр безумен в страсти и чувственен. Когда большевики захватят Зимний дворец, они найдут в его кабинете целую коллекцию весьма откровенных рисунков.

Из легенд Царского села

Николай был помешан на войне и рыцарстве. В Царском Селе в Арсенале собрал великолепную коллекцию рыцарских доспехов. И время от времени устраивались великолеп-

ные зрелища... Красавец император и красавец наследник в великолепных рыцарских доспехах, верхом на горячих арабских скакунах, за ними на лошадях восседают все юные великие князья в костюмах пажей, за ними – придворные дамы в платьях времен Лоренцо Великолепного..

Как была хороша Наташа Б. в этом флорентийском наряде!

Надо сказать, что, в отличие от отца, Саша с трудом выдерживал свой тяжеленный рыцарский наряд. Наконец-то ему было позволено его снять!

И, освобожденный от доспехов, на обратном пути из Арсенала, у рощицы он встретил ее. Конечно, плутовка попросту поджидала...

Короче, весьма серьезные обстоятельства заставили мать поговорить с отцом, и Наташу срочно удалили из дворца и спешно выдали замуж.

В шестнадцать лет Александр приносит присягу наследника престола – на верное служение царю и Отечеству.

В Большой церкви Зимнего дворца собрался весь двор. Любезнейший отец подвел его к аналою. И Саша начинает читать текст длиннейшей присяги... Главное— не заплакать!

«Присягу он произнес твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться и залился слезами...»

Но в тот день чувствительность подвела не только его. «Государь и государыня плакали тоже. Прочитав молитву, наследник бросился обнимать отца. А потом отец подвел его к матери. Они все трое обнялись – в слезах». И, естественно, слезами должен был залиться растроганный двор. «Многие плакали, а кто не плакал, тот оттирал сухие глаза, силясь выжать несколько слез», – записал в дневнике Пушкин.

И с этого дня обращение с наследником стало иное. Как сказал его дядя Михаил, «Царь еще не Бог, но человек – лишь отчасти».

Черета влюбленностей продолжалась. Но в восемнадцать лет он опять слишком серьезно влюбился в фрейлину Оленьку К. Впоследствии, став царем, Александр будет учить своего сына: «Запомни, мы имеем право только на гостиную интрижку».

Но он этот закон нарушил. Он даже посмел рассказать матери о своей чистой любви к Оленьке К.

Николай мог только усмехнуться слову «чистой»... Именно поэтому надо было принимать меры. Оленьку К. выдали замуж за польского магната графа Огинского.

У нее родится сын, который будет верить, что он – сын русского царя.

Императрица сама приняла решение:

– Ему надо иметь больше силы характера, иначе он погиб-

нет. Он слишком влюбчивый. Его следует на время удалить из Петербурга.

Встречи с прошлым... и будущим

Удалить нашего влюбчивого Дон-Жуана из столицы было просто.

Его образование (воистину блестящее по самым строгим европейским меркам) было закончено. Состоялись экзамены. В тот день за столом собрался цвет науки – преподаватели, учившие Сашу. Во главе комиссии восседал, конечно же, «лучший из отцов». Экзамены прошли успешно. И государь роздал награды ученикам и преподавателям.

Теперь, по плану Жуковского, венцом образования цесаревича должны были стать два важнейших путешествия.

Сначала Саша должен был отправиться в путешествие по родной стране. Больше чем полгода предстояло наследнику колесить по российскому бездорожью. Александр должен был стать первым наследником русского престола, воочию увидевшим бескрайнюю страну, которой будет править.

Воспитатель поэт Жуковский должен был сопровождать его в путешествии. Саша рассказал вечно старому ребенку о чистой (иначе романтический поэт не понял бы) любви к Оленьке, о своих страданиях. Хотя Жуковскому, вероятно, уже сообщили всю правду, но что значила жалкая правда по

сравнению с высоким вымыслом! И они оба рыдали в объятиях друг друга.

А потом император в присутствии Жуковского своим звучным голосом прочитал наставление:

«Это путешествие, любезный Саша, важная веха в твоей жизни. Расставаясь первый раз с родительским кровом, ты будешь в некотором роде представлен на суд твоих подданных в испытании твоих умственных способностей».

После чего сказал речь Жуковский: «Россия есть Книга, но книга одушевленная... Вашему Императорскому Высочеству предстоит читать ее, но и она сама будет познавать своего читателя. И это взаимное познание есть истинная цель путешествия».

Император обожал общаться инструкциями.

И уже утром сыну была передана первая инструкция. В ней все было строго изложено по пунктам. «Первая твоя цель – ознакомиться с государством, в котором рано или поздно тебе царствовать.

Второе. Суждения твои во время путешествия должны быть крайне осторожны. Замечаний избегай, ибо едешь не судить, а знакомиться... Вставать следует в 5 утра и выезжать в 6».

Саша проехал всю европейскую Россию. Из каждого губернского города он посылал с фельдъегерем письмо – отчет

дорогому папа... Так что все путешествие осталось подробно описанным в его письмах к Николаю.

Как он был счастлив почувствовать свободу, как весел и беззаботен стал вдали от строгого отца!

В городе Костроме он увидел Ипатьевский монастырь, откуда пошла их династия. Здесь, в келье монастыря, жил его предок – первый Романов, призванный на царство. После бесконечных усобиц Смутного времени, после цареубийств и нашествий иноземцев Земский собор избрал на царство 16-летнего отрока Михаила Романова, родственника пресекавшейся династии московских царей.

Стоя на стене монастыря, Александр видел Волгу.

По льду этой реки к стене монастыря в 1613 году двигалась длинная процессия. Горели на зимнем солнце доспехи воинов и золото боярских платьев, драгоценные ризы и оклады икон. Процессию возглавляло духовенство. Люди шли к Ипатьевскому монастырю просить отрока Михаила Романова согласиться стать их государем.

И что же его предок? Михаил плакал и кричал: «Не хочу быть вашим царем!»

Будто там, в Ипатьевском монастыре, он уже провидел, как тяжела будет шапка Мономаха для его потомков. Но уговорили. И Русская земля дала клятву его предку, что править Романовы царством будут самодержавно, отвечая только перед Господом Богом.

Повсюду наследника встречало благоговение тысяч людей. В той же Костроме, когда он ездил по Волге, народ часами стоял по колено в реке – чтобы взглянуть на лицо земного Бога.

Когда он выходил из собора, тысячная толпа под неумолчное «ура!» старалась подойти поближе – прикоснуться к живому божеству. Бока свиты, защищавшей Сашу от наседавшей толпы, долго хранили синяки и ушибы – результаты народных восторгов.

Запомнит Саша уральские и сибирские города. В Симбирске огромная толпа все с тем же «ура!» ринулась вслед за коляской наследника. Прослезившийся Жуковский простер руки к бегущей восторженной толпе и провозгласил: «Беги за ним Россия, он стоит любви твоей!»

В этом восторженном Симбирске и родятся будущие вожди обеих революций – Февральской и Октябрьской – Александр Керенский и Владимир Ульянов-Ленин.

Цесаревич был первым наследником из дома Романовых, побывавшим в Сибири, куда они отправляли каторжных и ссыльных. Первым посетил он и Екатеринбург, где в подвале дома купца Ипатьева погибнет его несчастный внук Николай II, правнук и правнучки.

Вот так в этом путешествии ему пришлось столкнуться с их славным прошлым – *Ипатьевским* монастырем и крова-

вым будущем – домом купца *Ипатьева*, где расстрелом его внука и правнуков закончится его династия.

В Сибири, в маленьком городке, в церкви во время богослужения он увидел «печальную группу людей». Это были ссыльные декабристы. И дождавшись слов священника о молении за узников, он повернулся в их сторону и поклонился, конечно же, со слезами на глазах! Плакал и Жуковский. Плакали все, кто были в храме.

Он ничего не смел им обещать, как и велел ему «любезнейший отец». Но он написал отцу, прося о смягчении участи. Жуковский с трепетом ждал ответа «на благородный порыв сострадания».

Николай откликнулся – ссыльных велено перевести из суровой Сибири солдатами на Кавказ, где в это время шла беспощадная война с горцами. Из сибирского холода – под кавказские пули – такова была царская милость.

Никогда Николай не простит им!

Но цесаревич был в восторге – ведь папа выполнил! И Жуковский (который все понимал) поддержал восторг мальчика. Оба опять счастливо плакали.

Александр привез с собой шестнадцать тысяч прошений, которые так и не были прочитаны.

Царственные погорельцы

Семь месяцев он ездил по России, тридцать губерний преодолели его кареты.

И все равно не смог объехать необъятную страну. Но теперь он представлял бескрайнюю Россию, где предстояло царствовать. И он был рад, что отец в расцвете сил, и если случится ему царствовать, то не скоро...

10 декабря 1837 года он подъезжал к Петербургу. Но недолго переживал он радость встречи. Через неделю вспыхнул пожар, уничтоживший их дом – Зимний дворец.

В начале зимы Николай повелел сделать камин в одной из комнат дворца. Архитектор посмел сказать ему, что это может быть опасно. Но Николай только взглянул на него своим царственным взглядом. И архитектор поторопился все исполнить.

И вскоре дворец загорелся! Их Величества были в то время в театре, где давали тот самый балет «Восстание в серале». Но оценить до конца умение балерин обращаться с саблей Николаю не удалось.

В разгар представления государю донесли, что дворец горит. Но царские сани были отпущены. И Николай понесся во дворец на тройке дежурного флигель-адъютанта. Императрица помчалась следом в карете.

Младших детей тотчас увезли в Аничков дворец.

Но беда одной не бывает. Когда царь подъехал к полыхавшему Зимнему дворцу, Николаю сообщили, что горит Галерный порт. И он отправил туда цесаревича. Счастливый редким отцовским доверием, Александр полетел в порт на императорских санях. Но доехал – на адъютантской лошади. По дороге от бешеной скачки сани перевернулись. Оставив адъютанта разбираться с санями, он поскакал в порт на его лошади. В порту тушили пожар гвардейцы Финляндского полка. И он командовал ими. Пожар потушили к утру.

В это время отец и мать боролись с огнем в Зимнем. Пожар усиливался шквалистым ветром. «Казалось, посреди Петербурга пылал вулкан» (Жуковский).

Императрица оставалась во дворце до последней минуты. Помогала собирать и укладывать вещи. Но огонь уже подступал к ее покоям, когда Николай прислал флигель-адъютанта: «Уезжайте! Через минуту огонь будет здесь».

Императрица и ее любимая фрейлина Цецилия Фредерикс быстро шли мимо ротонды, как вдруг двери в ротонду с треском и свистом отворились. И с оглушительным грохотом силой огня и ветра была выброшена из дверей громадная люстра.

В ротонде уже полыхало пламя. Императрица и фрейлина, преследуемые огнем, побежали на Салтыковский подъезд, где ждала карета.

В это время царские вещи спасали гвардейцы. Это были воспитанные Николаем новые гвардейцы, думавшие теперь только о том, как угодить государю. Одни выносили гвардейские знамена из Фельдмаршальского зала, другие спасали императорские регалии и драгоценности, хранившиеся в знаменитой Бриллиантовой комнате, третьи выносили вещи царской семьи. Огромное зеркало в спальне императрицы никак не отрывалось от стены. Но гвардейцы боролись с зеркалом в уже охваченной огнем спальне. Николаю пришлось лично разбить драгоценное зеркало, «чтобы унять храбрецов и не потерять их в огне...».

Спасенные вещи вынесли на Дворцовую площадь, сложили в центре площади, у Александровской колонны. Их заносил снег. «В снегу лежали императорские регалии – корона, держава и скипетр, знаменитые драгоценности, священные образа и ризы, картины, драгоценное убранство дворца», – писал Жуковский. Все это богатство было окружено гвардией. За цепью полков, окруживших Дворцовую площадь, стоял народ – «бесчисленной толпой в мертвом молчании». И всю ночь на заснеженной площади били часы знаменитых мастеров и играли нежные мелодии. Дворец горел до восхода солнца.

Когда под утро Александр вернулся из порта, их дворца не существовало. Царственные погорельцы переехали жить в Аничков дворец.

Николай повелел восстановить огромный дворец. И дал невыполнимый срок – один год. Но знал – выполнят. Свезли крепостных со всей России. На улице стояли невиданные морозы до 35 градусов, и во дворце страшно топили, чтоб побыстрее сохли стены. И несчастные умирали сотнями.

Но царская семья въехала в возрожденный дворец к приказанному сроку. Железная дисциплина, подчинение во всем – это был завет Николая наследнику и грядущим правителям. Александр должен был с тоской вспоминать прошедшую свободу – семь месяцев путешествий без давящей, беспощадной воли отца. Но недолго гостил Александр в Петербурге.

Невеста ждала его где-то в Германии

Согласно плану Жуковского, после поездки по России наследник должен был отправиться в Европу – посетить королевские дворы. Но не только, чтобы закончить образование, но чтобы самому подыскать себе невесту. Мать не хотела продолжения его историй с фрейлинами.

Был составлен список предполагаемых невест – естественно, немецких принцесс. Как отмечал еще в XVIII веке француз Массон, немецкие герцогства давно стали для русских царей гаремом, где они выбирали себе жен. И вчерашние провинциальные принцессы после скаредных родитель-

ских дворов появлялись при русском дворе, ослеплявшем европейцев варварской роскошью.

Итак, опять – в дорогу. И опять – инструкции отца. И опять – после отъезда из Петербурга все стало счастливо, весело и свободно.

Сначала была Пруссия. Его дедушка Фридрих Вильгельм был очень дряхл – уже 40 лет на троне! Вместе с дедом он навестил могилу своей бабушки королевы Луизы, самой красивой монархини Европы. Бабушка едва не победила своей красотой самого Наполеона! После поражений от Наполеона его бедный дедушка потерял тогда половину Пруссии. И королева Луиза (тогда в расцвете своей красоты) решила отвоевать хотя бы часть потерянных территорий. Приехав на мирные переговоры, она уединилась с Бонапартом. И начала упрашивать его оставить им ряд земель. И так успешно, что если бы дедушка вовремя не вошел... как говорил потом сам Наполеон: «Еще немного, и мне пришлось бы отдать Магдебург».

В нее был влюблен и дядя – победитель Наполеона Александр I...

Прусские кузины были пленительны. И все эти волшебницы наверняка втайне мечтали стать русской императрицей, но наш герой захотел покинуть Пруссию – и продолжить путь. Они не завоевали его сердце.

Потом была Вена. Дом князя Меттерниха. Князь был не только хитроумным врагом великого Наполеона, но перво-статейным Дон-Жуаном. Во всяком случае, его дом был тоже сплошной соблазн. Еще Наполеон советовал: «Женитесь на австриячках... Свежи как розы и плодови́ты как крольчихи». Но Александра манили германские княжества, где его предки находили своих несравненных жен.

А пока была Италия

В Италии никто не приставал к нему со скучными церемониями. Они останавливались в маленьких городках, где он наслаждался абсолютной свободой. И впервые вспоминал тещку, дядю Александра I – так мечтавшего отдать корону. Небо Италии... Мрамор дворцов, развалины, помнившие Юлия Цезаря. Сколько раз они с Жуковским рыдали от умиления под итальянским небом!

В Милане все сменилось грохотом пушек, здесь устраивали в его честь длиннейшие парады. Но очередная депеша отца погнала его далее.

Немецкие княжества Баден, Вюртемберг. Принцессы здесь были, но... сердце осталось свободным. И продолжалось путешествие. И вот он приехал в Дармштадт – столицу маленького Гессен-Дармштадского герцогства.

Гессен-дармштадтская принцесса не была включена в

список предполагаемых невест. И наш Саша остановился в Дармштадте лишь по пути, на один день. Но вечером в придворном театре он увидел ее. Наш юный Дон-Жуан пытливый взором разглядывал юную принцессу, скрывавшуюся в глубине ложи. И был вмиг совершенно сражен «скромной прелестью принцессы», почти ребенка... Ей шел 15-й год. Она была необычайно изящна особым изяществом мадонн Дюрера. И повзрослев, она так и останется хрупкой, одухотворенной, изящной девочкой-женщиной.

И вот уже наш герой остается на ужин со скучнейшим герцогом Людвигом. Чтобы на ужине опять увидеть ее! Принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-Софи. У нее осиная талия, золотистые волосы и лазоревые кроткие глаза. Как у его мама.

Уже вечером написал папа: «Она страшно понравилась мне с первого взгляда. Если Вы позволите мне, дорогой папа, после Англии я снова вернусь в Дармштадт». И приказал посланному привезти письмо к отцу в праздник Благовещения, который должен был случиться через девять дней. И, загоня лошадей, посланный домчал письмо императору – в день Благовещения.

Но эта принцесса совсем не была в планах Николая. Да, она была из столь желанного немецкого княжества. Но не была включена в список невест не только потому, что ей шел пятнадцатый год. В монархической Европе государи все

знали друг о друге. Передавали пикантные слухи – будто принцесса отнюдь не дочь гессен-дармштадтского герцога, но тайная дочь его красавца шталмейстера, француза барона де Гранси.

Однако депешу от сына императору привезли в день Благовещения, и религиозный Николай не мог не увидеть в этом благодетельную примету – Благую весть. (Все, как задумал хитрец Саша!)

И государь подробно расспросил посланного об облике, воспитании и нравственных качествах принцессы. Отчет ему понравился. И «любезнейший папа» разрешил сыну вернуться в Дармштадт.

Но сначала наш Саша приехал в Англию.

Мы мчались вихрем.

Оказалось, что вернуться из Англии в Дармштадт – ох, как было трудно! Эта была королева Виктория! Ей 20 лет, и у нее тоже восхитительные лазоревые глаза. Она безупречно элегантна, как могут быть элегантны только англичанки.

И уже вскоре Виктория пишет в дневник: «Великий князь безумно нравится мне. Он естественен и весел. С ним легко».

И у него, как всегда, на лице – новая любовь! Виктория не просто обворожительна, умна и остроумна. В ней было что-то еще, особенно его притягивающее: эта девушка была со-

вершено независима, свободна в суждениях. С ней он мог быть легким и естественным – мог быть собой. Чего был совершенно лишен при дворе «лучшего из отцов».

На следующий день Виктория и русский наследник были в королевском театре, каждый в своей ложе. Но в антракте Александр вошел в ложу королевы и провел с нею наедине за плюшевыми занавесками около получаса.

И в Петербург полетели депеши – «королеве явно приятно общество Его Императорского Высочества. Вокруг все говорят: “Они – идеальная пара”. Если Великий князь сделает предложение королеве, оно будет принято без колебаний».

Какие это были дни! Как наш вечно влюбленный ждал решения отца! Виктория записывает в дневник историю краткого романа:

«...Виндзор. Обед в великолепно украшенной зале Сент-Джордж холла. Великий князь берет меня под руку, и я оказываюсь за столом между ним и принцем голландским Генрихом... Я совершенно *влюбилась* в Великого князя, он прелестный, он очаровательный молодой человек. Я танцевала с ним кадрили. Потом был вальс, я его пропустила, потом опять кадрили, и снова вальс с ним. С ним приятно и весело танцевать. Он невероятно сильный, так смело кружит, что я едва поспевала. Мы мчались вихрем! Маленький бал окончился около двух ночи. Никогда прежде я не была так счастлива. До пяти не могла уснуть».

Но все оказалось тщетно. Ему принесли письмо отца.

Папа приказывал. Знакомый голос: «Назад, в Дармштадт!» России нужен наследник престола, а не жалкий муж английской королевы. «Нельзя быть молокососом!»

Теперь Николай согласен на Дармштадт. Пусть лучше будет эта сомнительная немецкая принцесса. Только бы убрать его из опасной Англии! Царь знает темперамент сына. Тем более, как написал верный Жуковский, «принцесса скромна, очаровательна и даже умна».

Увидев цесаревича, Виктория все поняла.

Дневник Виктории: «...Был наш последний вечер вместе. Лорд Пальмерстон ввел Великого князя, чтобы он попросился со мной. Мы остались одни. Великий князь взял мою руку и крепко сжал в своей. Сказал по-французски: “У меня нет слов, чтобы выразить все мои чувства”. И добавил, как глубоко признателен за прием и надеется еще побывать в Англии. И тут он прижался к моей щеке, поцеловал меня так добро, сердечно, и мы опять пожали друг другу руки. Я ощущала, что прощаюсь с близким, родным человеком, я даже немножко, конечно шутя, была влюблена в него. Он такой искренний, такой по-настоящему милый, чарующий, с обаятельной улыбкой и мужественной элегантной внешностью».

Этим «шутя влюблена» она как бы освободила себя и от сожалений, и от положения отвергнутой. Она ведь понимала русского царя. Ибо Виктория была прежде всего – великой королевой. Она это докажет своей жизнью.

Хотя, вероятно, тогда она еще ждала, что влюбленный все-таки попытается вести себя, как положено влюбленному. Но что он мог против папа. Да и кто во всей России что-нибудь мог!

На прощанье Александр подарил королеве любимого пса по кличке Казбек. И она не расставалась с Казбеком до его собачьей смерти.

Из Лондона Александр вернулся в Дармштадт, о котором так быстро успел забыть. Пока он влюблялся, отец поспешил договориться с герцогом – и его дочь, которая так понравилась наследнику, согласилась перейти в православие.

Счастливая семейная жизнь

Двор принял невесту настороженно. Был отмечен ее «недостаточный французский». И нос невесты не отличался желаемой правильностью, и рот был слишком тонкий – «со сжатыми губами и без душевной чуткости».

Но Николаю она понравилась – она была так похожа на любимую жену! Так же хрупка, воздушна, с такими же восхитительными золотистыми волосами. Но главное, в ее несколько навывкате лазоревых глазах были знакомые кротость и всепрощение. Правда, порой на ее тонких губах мелькала саркастическая улыбка, которая доказывала, что, прощая, она все понимает! У сына должна быть именно та-

кая жена! И Николай запретил двору не только обсуждать злые слухи, но даже думать о них. И двор тотчас замолчал. Николай умел править.

В 1841 году в восставшем из пепла Зимнем дворце, в великолепной Большой церкви состоялась их свадьба. После перехода в православие гессен-дармштадтская принцесса стала великой княгиней Марией Александровной.

В тот день она была очень хороша – в платье, вышитом серебром и украшенном множеством бриллиантов, на плечах – мантия из пунцового бархата, подбитая белым горностаем, и бриллиантовая диадема на прелестной головке.

Вместе с цесаревной приехал ее любимый брат. Высокий красавец с истинно военной выправкой и этакой военной элегантностью – умением щегольски носить мундир, чем сразу привлек расположение государя. При этом он был кладезь остроумных анекдотов и веселых шуток, что весьма выделяло его среди навсегда испуганного, осторожного двора. Благосклонность государя и назначенное принцу огромное жалованье сулили самые радужные надежды. Как вдруг... Интрижка с хорошенькой фрейлиной сестры-цесаревны закончилась «интересным положением» девицы. И принц повел себя, как человек чести, – он решил жениться на девушке.

Но Николай не терпел мезальянсов в императорской се-

мье. Он тотчас выслал из России и брата цесаревны, и беременную фрейлину.

С этого времени цесаревна была весьма осторожна в выборе фрейлин. Именно поэтому вскоре фрейлиной цесаревны становится дочь знаменитого поэта Тютчева Анна Тютчева. Девушка благоразумная, со строгими устоями, и главное – *некрасивая*.

Так Анна Тютчева стала фрейлиной жены нашего героя – цесаревны Марии Александровны.

Во фрейлинской комнате, такой убогой в сравнении с роскошью дворцовых покоев, с вечной фрейлинской каретой, запряженной с утра (на случай, если понадобится сопровождать цесаревну), 13 лет проживет Анна Тютчева в Зимнем дворце. И все 13 лет она будет писать свою летопись дворцовой жизни. Ее «Воспоминания» и помогут нам увидеть царский двор эпохи Николая и Александра II – эту исчезнувшую русскую Атлантиду.

Расставанье с любимым братом стало большим ударом для цесаревны. Она его трудно пережила, но сделала нужные выводы.

Жизнь при русском дворе требовала, как она писала, «ежедневного героизма».

«Я жила, как волонтер, готовый каждую минуту вскочить по тревоге. Правда, не очень хорошо зная, куда надо бежать и

что делать». Но простим ей эту кокетливую фразу. На самом деле, после истории с братом она отлично поняла, что надо делать и куда бежать. Ибо двор жил только одним – угодить. Понять желания императора и их исполнить.

И теперь ее не пугала холодность двора. Ибо Маша (так звал ее Александр) быстро научилась это делать.

Император жил точно по расписанию. Во всем был заведенный им порядок. И «волонтер» отлично исполняла главное – соответствовала этому порядку.

Цесаревна встает рано. Одевает детей, кормит их – ведь уже к 11 утра должна быть в Малой (или Большой) дворцовой церкви.

Ровно в 11 император войдет в церковь. И цесаревна без десяти одиннадцать уже ждет императора. Вокруг нее выстроена вся семья. Недвижен и почтителен наследник. Недвижны и почтительны дети.

Часы бьют 11. Входит император. Начинается служба. Император стоит рядом с хором певчих и подпевает своим красивым голосом. Лицо цесаревны во время службы выражает полную сосредоточенность. И даже самый маленький ее ребенок (ему еще нет трех лет), но и он стоит неподвижно. А главное – молча.

У императора хороший слух не только на музыку. И не дай бог, какой-нибудь придворной даме или кавалеру шепнуть что-нибудь во время службы. Уже через несколько часов явится чиновник Министерства двора – вручать бумагу

с официальным высочайшим выговором.

Николай полюбил сноху. И это было главное. Он считал цесаревну умной, даже иногда советовался с нею. Весь двор тотчас начал считать ее умной. Уже ходят слухи, весьма обидные для наследника – будто цесаревна диктует ему решения и управляет им. Но наш герой терпел – в первые годы брака он был влюблен в жену. И она была счастлива с ним – счастливая жена и счастливая мать. А дети – один за другим рождались, к восторгу отца и деда.

Шестерых сыновей и двух дочерей родит Мария Александровна. Старшего сына Александр, конечно же, назвал Николаем в честь императора (также Николаями назовут своих старших детей брат Константин и сестра Маша).

Старшего из его сыновей, будущего наследника, маленького Николая в романовской семье зовут Никс, как деда. Он невероятно талантлив и... своеволен. Но только ему – своему любимцу дед прощает своеволие. Никс не желает учить французский. Александр в присутствии императора стыдит Никса:

– А как же, Ваше Высочество, собирается беседовать с послами?

– А у меня будет переводчик! – весело отвечает мальчик.

– Bravo, мой друг! Но тогда, Ваше Высочество, над вами будет потешаться вся Европа.

– Тогда я пойду на Европу войною, – к восторгу деда, ответил Никс. И уже через месяц мальчик блестяще говорил по-французски.

Но началось роковое. Частые роды и ужасающий сырой климат столицы делают свою разрушительную работу. И как уже бывало с немецкими принцессами, сочетание оказывается губительным – у цесаревны развивается легочная болезнь.

И потихоньку эта болезнь начинает пожирать Марию Александровну.

Таинственный цесаревич

Ну а что же наследник? Трудно писать о нем. Легче повторить: «Фигура отца совершенно его заслонила».

Этот умный блестящий молодой человек моментально потускнел, вернувшись в Россию.

Как и положено, наследник— член Государственного Совета и Комитета министров. Но никаких особых инициатив не проявляет – просто посещает заседания. Железный папа требует от всех только покорности и исполнительности.

Крепостное право стало диковинкой в Европе. Европа давно избавилась от него. И Николай понимает: надо что-то делать с крепостными крестьянами. Рабский труд непроизводителен, но дело не только в этом. Уже в 1839 году Бен-

кендорф в отчете Третьего отделения напишет о «пороховом погребке под государством, которым становятся крепостные крестьяне». И глава тайной полиции осторожно ставит опасный вопрос – не следует ли решить проблему *сверху*, чтобы крестьяне не попытались освободиться *снизу*?

И Николай образует Секретный комитет по аграрному вопросу. Все, что касается возможных перемен, Николай обычно засекречивает. Общество не должно знать о размышлениях власти.

И наследник, будущий освободитель крестьян, в этом Комитете занимает удивительную позицию: ничего менять не надо – все и так прекрасно.

Что делать, Александр чувствует, что именно это хочет услышать *лучший из отцов*. Он никогда не забывает – любое мнение, идущее вразрез с отцовским, подавляется беспощадно. И тотчас раздается любимое отцовское «молоко-сос!».

В это время уже подрос его соперник.

Либералы в семье Романовых

«Эзоп»

Брат Костя был моложе Александра на целых девять лет.

Он низкоросл, некрасив, в отличие от стройных, высоких красавцев в романовской семье. Но при этом умен, зол, сар-

кастичен. И его дядя – великий князь Михаил Павлович – зовет Костю насмешливо – «Эзоп».

Эзоп – блестяще образован. Николай не забывал свое небрежное образование.

Он повелел Костю так же воспитывать для трона. На случай, если наследник «вдруг выкинет фортель – вздумает умереть».

Это воспитание и блестящие успехи в учебе пробудили неукротимое тщеславие в маленьком Косте. И до царя начали доходить его удивительные рассуждения.

– Саша рожден до того, как отец стал императором, я – позже. Я сын императора, а он – великого князя. И потому несправедливо, что Саша – наследник.

Николай жестоко наказал мальчика, не уставая повторять: «Царство, которое разъединилось, падет... Запомни! Это говорит нам Господь. Так и семья...» Костя запомнил.

Костю готовят управлять Морским ведомством. И у него тотчас появляется план. Он помнит: Екатерина Великая назвала его дядю Константином потому, что мечтала – он станет императором отвоеванной у турок Древней Византии. И вот уже мальчик подает отцу план – как с моря захватить Константинополь. Теперь Костя мечтает стать императором Древней Византии!

И опять *лучшему из отцов* приходится умерять тщеславие маленького Эзопа. Хотя оно так ему нравится!

Семейный ученый

Но пока умный Костя подрастал, главной интеллектуальной силой в большой романовской семье считалась женщина – одна из самых выдающихся женщин николаевской России.

Вюртембергской принцессе Фредерике-Шарлотте-Марии было шестнадцать лет, когда, следуя традиции брать в жены немецких принцесс, Александр I сосватал ее за самого младшего из своих братьев – великого князя Михаила Павловича.

Елена Павловна (так ее звали после принятия православия) была блестяще талантлива. Уже по дороге в Россию она выучила русский язык.

И не просто выучила. В долгом пути любознательная принцесса прочла на русском все тома «Истории государства Российского», написанной Карамзиным.

В Петербурге вчерашняя вюртембергская принцесса стала усердной слушательницей лекций в Петербургском университете. Елена Павловна – частый посетитель Академии наук и Вольного экономического общества. Она изучает православие, вступает в диспуты с русскими богословами. Елена Павловна – единственная в царской семье имеет право спорить (конечно же, очень деликатно) с государем, и тот выслушивает ее, правда, насмешливо. Он зовет ее «Семейный ученый».

Ее счастливый брак с великим князем Михаилом, их взаимная любовь оставались загадкой для Петербурга.

Насмешник-солдафон

Михаил и государь были неразлучны в детстве. Они оба с гордостью считали себя солдафонами. Вступив на престол, Николай назначил младшего брата командующим гвардией. И Михаил усердно помогал брату превращать опасную гвардию в балет, беспощадно донимал ее смотрами и парадами.

«Он болен общей болезнью Романовых – “военно-строевой лихорадкой”», – сказал о нем современник.

Страстно исполнял Михаил роль беспощадного командира. С вечно насупленными бровями и угрюмым лицом он следил за поведением гвардейцев даже на придворных балах, правда, не пропуская хмурым взором придворных красоток. Как и брат, он весьма равнодушен к дамам.

(Иногда эти увлечения приносят весьма зримые плоды. В семье придворного банкира барона Александра Штиглица будет воспитываться приемная дочь Наденька Июнева – внебрачная дочь пылкого великого князя.)

– Зачем вы так мрачны? Все знают, какое у вас доброе сердце, – кокетливо спрашивает его красавица фрейлина Александра Паткуль.

– Я должен карать, а царь – миловать, – мрачно объясня-

ет красотке великий князь. И не меняя замогильной интонации, веселит ее очередным каламбуром. Ибо вечно хмурый, с насупленными бровями солдафон Михаил блестяще остроумен! Это он наградил забавными прозвищами всю романовскую семью. Его остроты повторяет весь Петербург. И этот строгий начальник совершенно беспомощен... перед чужим остроумием. Несмотря на осторожные предупреждения Бенкендорфа, он часто спасает от гнева Третьего отделения остроумных шалопаев-гвардейцев. Он покровительствует известному повесе кавалергарду Булгакову, чьи опасные шутки повторяет Петербург. Булгаков постоянно проигрывается в карты. И проигравшись, преспокойно является в Михайловский дворец к суровому командиру. В присутствии камердинера (уже привыкшего к этой процедуре) он проталкивает под дверь кабинета великого князя конверт с цифрами проигрыша. В ответ просителю тем же способом незамедлительно возвращается его конверт – но уже с деньгами.

Великий князь Михаил Павлович рано умрет, и тогда всю свою энергию сорокалетняя вдова обрушит на общественную деятельность.

Она строит больницы, создает русский «Красный крест», движение «сестер милосердия». Она – главная покровительница искусств в России. «Подвязывать крылья молодым та-

лантам» – так определила Елена Павловна свою миссию.

Музыкальным секретарем великой княгини становится один из самых блестящих музыкантов эпохи – Антон Рубинштейн.

Рубинштейн был ребенком, когда его игру услышал великий Лист. И Лист назвал его своим наследником. После чего молодой Рубинштейн показывал царю свой знаменитый номер, неизменно приводивший в восторг императора. Злой юноша изображал... Листа! Изображал беспощадно – пародируя игру и знаменитые гримасы охваченного вдохновением Листа.

Этот сын крещеного еврея, плотный, с огромной гривой волос, очень похожий на Бетховена, становится близким другом великой княгини. Только при помощи Елены Павловны еврей Рубинштейн смог основать первую в России консерваторию, куда придет заниматься 22-летний чиновник Петр Чайковский.

Елена Павловна поселила молодого Рубинштейна в своем знаменитом дворце на Каменном острове. Блестящие музыкальные вечера во дворце немолодой, но все еще очаровательной княгини, чарующие звуки той жизни... Все это осталось навсегда в фортепьянных пьесах Рубинштейна.

Елена Павловна всегда была впереди прогресса. И она второй в царской семье (после самого Николая) сумела прочесть «Записки» Великой Екатерины.

Когда-то потрясенный «Записками» матери, Павел дал их прочитать на одну ночь своему тогдашнему ближайшему другу князю Куракину. И за ночь крепостные грамотеи князя переписали «Записки». Князь тайно давал читать их друзьям. И количество секретных копий росло. Одна из копий попала к Карамзину и от него, видно, к нашему великому поэту. И уже жена поэта переписывает вместе с братом «Записки» Екатерины. И Пушкин передает их прочесть великой княгине. И записывает, что она «сходит от них с ума».

Елена Павловна, прочтя грешные «Записки», конечно же, не смогла не поделиться восторгом. Николай немедля повелел придворным сдать все копии «Записок позора семьи» и устроил за ними настоящую охоту.

После гибели Пушкина Николай, знакомясь с описью пушкинских бумаг (за всем следит государь!), наткнулся на рукопись «Воспоминания императрицы». Приказ последовал краткий: «Ко мне!»

Молодой Костя и немолодая дама составляли радикальное крыло в царской семье.

И как проигрывал безликий апатичный наследник рядом с этой парой!

Кто мог бы подумать тогда, что через пару десятилетий он совершит величайшее дело в русской истории. И они оба станут его ближайшими сподвижниками!

Впрочем, был ли апатичным цесаревич? Или научился по-

казывать себя таковым?

«Мне нужны не умники, а верноподданные»

Эти слова государя были лозунгом его империи. Все в стране делалось по правилам, все было подчинено раз и навсегда заведенному порядку. Идею порядка лучше всех соответствовали военные. Военный человек, привыкший не рассуждать, но исполнять, способный приучить других к исполнению, стал считаться способным начальником. Истинные способности, знания, опытность – перестали быть главными. И военные постепенно занимают все правительственные места.

Все чиновники теперь носят мундиры. Мундиры носят даже студенты.

Мечта убиенных Петра III и Павла I становится явью: страной правит казарма. Смотр и парад – главное содержание государственной жизни. Все делается напоказ, для императора... чтобы государь приехал, сказал: «Хорошо!» И уехал, раздав награды.

«А что было дальше – в самой жизни, в жизнь никто не заглядывал, там был черный двор», – писал современник.

«Неправильные» евреи

Военные должны были исправлять беспорядок повсюду. Николая очень беспокоили евреи. Они никак не желали

подчиняться общему порядку и становиться христианами. «Неправильные» евреи носили свою неправильную одежду. Государь предписал евреям платить налог за ношение ермолок и длиннополых сюртуков. И в конце концов вообще запретил носить еврейскую одежду.

Был создан специальный Комитет для окончательного исправления евреев и приведения их в христианство. Лучшим лекарством для этого государь считал любимую армию. Если прежде, вместо службы в армии евреи платили налоги, то теперь они должны были поставлять в армию рекрутов. Государь верил, что за время службы в армии, которая продолжалась 25 лет, евреи непременно станут христианами.

Чтобы процесс шел успешнее, еврейских детей с 12-летнего возраста готовили к военной службе в специальных кантонистских школах.

Во времена Николая перешел из иудаизма в православие дед Ленина, еврей Александр Бланк.

Мы так и не узнаем, что думал молодой Александр в эти глухие годы в благодетельно молчавшей стране.

Но увидевший его в юности проницательный Кюстин написал: «Сквозь наружный вид доброты, которую обыкновенно придают лицу молодость и красота и немецкая кровь, нельзя не признать в нем *сильной скрытности*, неприятной в столь молодом еще человеке». Жизнь при всеильном от-

це-деспоте научила его этому.

Но талантливый, чуткий юноша не мог не видеть, как железная система отца давала удивительные сбои. И порядок, доведенный Николаем до абсурда, все чаще становился беспорядком.

И это началось уже в первое десятилетие его царствования.

В 1836 году, в самое темное время беспощадной цензуры, в покорном, рабском журнале «Телескоп» появилось невиданное по дерзости сочинение, вызвавшее сначала шок, а потом и бурю в обществе.

Горе уму!

Его написал Петр Чаадаев, имя которого навсегда стало паролем всех русских либералов. Эпиграфом к его жизни могли стать горькие слова Пушкина: «Догадал же меня черт с душой и талантом родиться в России». Чаадаев стал героем грибоедовского «Горя от ума». И первоначальное название этой пьесы – «Горе уму» – еще один эпиграф к судьбе Чаадаева.

Аристократ, красавец, блестящий гвардеец, храбро сражавшийся в войне с Наполеоном, он делал стремительную карьеру при императоре Александре I. Кумир петербургской молодежи, знаменитый денди, Чаадаев всегда шел против те-

чения. В то время многие в высшем обществе были галломанами – то есть одевались, говорили и даже думали по-французски. Как писал дипломат Жозеф де Местр, «французский гений оседлал Россию».

Но Чаадаев, естественно, стал англоманом... Да и в отставку он вышел в высшей степени оригинально. Находясь на пути к вершине карьеры, когда все уже прочили его в адъютанты императору, Чаадаев подал прошение об отставке... 24-летний отставной гвардейский ротмистр становится философом-мистиком!

В начале николаевского царствования Чаадаев часто появлялся в петербургских гостиных, на балах. Его великолепная голова – медальный профиль, холодные серо-голубые глаза – возвышается над толпой. «Он молча стоял с горькой усмешкой и с вечно скрещенными руками. Эти руки образовывали латинскую букву “V”, – писал Герцен, – и в этом жесте было его презрительное *вето* на рабскую жизнь вокруг».

В 1836 году философ-мистик вдруг заговорил публично— он напечатал сочинение, взорвавшее покорную тишину времени.

Это было «Философическое письмо», напечатанное в журнале «Телескоп».

Как оно могло появиться? Как часто у нас бывает – недосмотрели, причем в самом важном случае. Все было настолько задушено цензурой, что уже никто и ничего не ждал от

литераторов. И потому цензоры выполняли задачу формально... И чаадаевское сочинение со скучным названием «Философическое письмо» цензор, видно, читал невнимательно, если вообще читал.

«С тех пор как завелась в России книжная и письменная деятельность, не было такого шума». «Около месяца среди целой Москвы не было дома, в котором бы не говорили про чаадаевскую статью и про “чаадаевскую историю”», – писали современники.

В своем «Письме» Чаадаев нападал на все, что отец Александра объявил святым.

Он обвинял православие. Называл «роковой судьбой» то, что Россия «приняла христианство от безнадежно устаревшей Византии, которую уже презирали в то время другие народы». «И это не только раскололо христианство. Это не дало нам возможности идти рука об руку с другими цивилизованными народами. Уединенные в нашей ереси, мы не воспринимали ничего происходящего в Европе. Разъединение церковью нарушило общий ход истории к всемирному соединению всех народов в христианской вере, нарушило “Да придет Царствие Твое”».

Чаадаев писал, что «истинная религиозность печально разнится от той душевной атмосферы, в которой мы всегда жили и, видимо, будем жить. Ибо пребываем мы между Западом и Востоком, не усвоив до конца обычаев ни того, ни другого. Мы – между. Мы в одиночестве».

Оглядывая русскую историю, Чаадаев поставил свой страшный диагноз: «Если мы движемся вперед, то как-то странно: вкривь и вбок. Если мы растем, то никогда не расцветаем. В нашей крови есть нечто, препятствующее всякому истинному прогрессу».

Все сочинение было криком, невозможным, невиданным по дерзости ударом по всей официальной идеологии.

«Прошлое России удивительно, ее настоящее более чем великолепно; что же касается будущего, то оно выше всего, что только может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот с какой точки зрения следует оценивать русскую историю». Эти знаменитые слова, принадлежащие главе тайной полиции Бенкендорфу, были знаменем официальной идеологии. И останутся этим знаменем на столетия.

Так же, как на столетия останутся знаменем русских либералов чаадаевские слова: «Я не научился любить свою страну с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее...»

Это был вызов привыкшему к покорности обществу. И оно с постыдным единодушием потребовало от государя беспощадной расправы.

Государь поступил умно. Посадить Чаадаева в крепость — означало признать, что в его империи человек может иметь собственное мнение. Николай придумал удивительное наказание. Он объявил одного из самых блестящих мыслителей

России... сумасшедшим! Царь насмешливо приказал московскому губернатору исключить для «помешавшегося рас­судком» Чаадаева «влияние сырого и холодного воздуха, мо­гущего обострить болезнь». Это означало, что философ дол­жен был находиться под домашним арестом. Продолжая за­боту, государь велел оказывать Чаадаеву постоянную меди­цинскую помощь. Теперь его должен был посещать «искус­ный врач», которому вменялось в обязанность ежемесячно доносить заботливому Его Величеству «о здоровье тронув­шегося в рассудке».

Что думал 18-летний Александр об этом сочинении? Ско­рее всего он его не читал. Но о скандале, охватившем обе столицы, не слышать не мог.

Тем более что с Чаадаевым расправлялся сам «лучший из отцов».

И уж точно не мог Саша не знать последующего литера­турного скандала. Этот русский скандал отозвался во всей Европе.

«Подлец маркиз»

Уже за границей Саша почувствовал насмешливое отно­шение к отцу. Его дядя, Александр I – спаситель монархиче­ской Европы от Наполеона, считал себя вправе вмешивать­ся в европейские дела. Николай чувствовал себя законным

наследником победителя-брата. Царь был уверен, что историческая миссия России – быть главным контролером европейских дел, охранителем европейского порядка. Уже в начале царствования он преподавал урок Европе. Восстала Польша... И армия его генерал-фельдмаршала Паскевича штурмом взяла Варшаву. Виселицы, сожженные поместья мятежных аристократов, уничтожение остатков польского самоуправления стали платой восставших поляков.

Главную задачу Николая сформулировал его министр иностранных дел К. В. Нессельроде: «Угроза революций в Европе заставляет Россию поддерживать власть везде, где она существует, подкреплять ее там, где она слабеет, и защищать там, где на нее нападают».

При этом царь был высокомерен, подчас – до смешного. Он никак не мог забыть, что прусский король, разбитый Наполеоном, сохранил когда-то свой престол благодаря России. И привычно обращался с тестем, как с лакеем.

Но во время путешествия Саша услышал, как в Берлине удивлялись грубости отца, а в Лондоне и Вене открыто смеялись над его претензиями.

Там, за границей, Саша читал европейскую прессу, полную насмешек и оскорблений в адрес отца, которого называли «европейским жандармом».

Отец презирал европейские газеты, велел беспощадно

конфисковывать их на границе. Но при этом очень мучился!

И Бенкендорф наконец придумал, как изменить европейское общественное мнение. Его агенты сообщили из Парижа, что известный литератор француз маркиз де Кюстин мечтает побывать в России и написать о путешествии. Маркиз был внуком знаменитого генерала, гильотинированного в дни террора Французской революции. На гильотине погиб и его отец. Был он влиятелен в Париже, принят в модных салонах и при этом (главное!) был фанатичным сторонником абсолютной монархии.

– Вот чья книга может изменить несправедливое мнение Европы!

Николаю мысль Бенкендорфа понравилась. Было решено пригласить и главное, обласкать маркиза. Сам Николай согласился его принять.

Но, к сожалению, вышло обычное российское «Хотели как лучше...»

Пока государь готовился очаровать француза, таможня на границе беспощадно, грубо обыскала маркиза и конфисковала все его книги на французском. В Петербурге «радости» француза продолжились – маркиз остановился в лучшей гостинице (нынешняя «Европейская»), где всю ночь без усталости его атаковали полчища очень злых петербургских клопов.

Наконец император принял маркиза. Радостно ожидая сочувствия, Николай, как монархист монархисту, объяснил

Кюстину свои убеждения:

«В России существует деспотизм, ибо только он согласуется с духом народа... Что же касается Конституции, то я скорее отступлю до самого Китая, чем подобный образ правления допущу в России».

Кюстину весьма понравилась внешность Николая – «красивейшего монарха Европы». В силу нетрадиционной сексуальной ориентации француз был весьма чуток к мужской красоте. Что же касается беседы с царем, она не вдохновила маркиза. Кюстин был монархист, но сторонник просвещенной монархии. Полицейский деспотизм, который он видел на каждом шагу, не был ему мил.

И, посетив места убиения отца и деда императора, Кюстин с изумлением подтвердил этот русский парадокс: беспощадная деспотия в России оказалась ограничена – беспощадным убийством деспотов.

Впрочем, разнообразные русские парадоксы продолжались в течение всего путешествия маркиза.

Например, в Москве, в Кремле, маркизу с гордостью показали две самые «великие достопримечательности». Это были Царь-колокол – самый большой в мире колокол, весом 200 тонн, от которого, к сожалению, отломился кусок и который никогда не звонил. И Царь-пушка – самая большая в мире пушка, из которой, к сожалению, никогда не стреляли.

Встретился он в Москве и с тогдашним главным диссидентом – Чаадаевым. И Кюстин присвоил в своей книге одно

из знаменитых чаадаевских mots (словечек). Чаадаев сказал ему: «Какой славный город Москва: здесь все время показывают какие-то исторические нелепости... пушку, которая никогда не стреляла, или колокол, который упал и не звонит. Впрочем, колокол без языка – это и есть символ любимой родины».

В 1843 году вышла книга маркиза «Россия в 1839 году».

В ней маркиз нарисовал такой портрет:

«Нужно жить в этой пустыне, которая именуется Россией, чтобы почувствовать всю свободу жизни в других странах Европы».

«Все здесь подавлено, боязливо жметесь, все мрачно, все молча и слепо повинуетесь невидимой палке...»

«Тупая и железная казарменная дисциплина сковала всех и вся..»

«Во Франции можно достигнуть всего, пользуясь ораторской трибуной. В Париже уметь говорить поднимет вас на вершины власти, в России – уметь молчать».

«Самый ничтожный человек, если он сумеет понравиться государю, завтра же может стать первым в государстве». (Все очень похоже на то, что сказал Павел I шведскому послу: «В России нет важных лиц, кроме того, с которым я говорю, и пока я с ним говорю».)

«Рабы существуют во многих странах, но чтобы увидеть такое количество придворных рабов, нужно приехать в Рос-

сию», – писал Кюстин.

И это касается не только двора беспощадного императора. Кюстин с изумлением описал двор наследника, «где царствует тот же дух лакейства, объединяющий знатных вельмож с их собственными слугами» и поразительное сочетание в придворных «лакейства и барской заносчивости».

Не знал Кюстин, что это – традиция.

Еще приехавший в Россию во времена отца Ивана Грозного посол Герберштейн был потрясен раболепием вельмож. Если государь назначал самую страшную казнь – сажал на кол, то и сидя на колу, боярин продолжал славить государя.

– Мы служим нашим государям *не по-Вашему*, – объяснял боярин Герберштейну.

Холопами называли себя в прошениях первые вельможи. И Иван Грозный четко формулировал эти отношения: «Жаловать и казнить своих холопов мы вольны».

Из рабства вытекала всеобщая ложь.

«До сих пор я думал, что истина необходима человеку как воздух, как солнце. Путешествие по России меня в этом разубеждает. *Лгать здесь – значит охранять престол, говорить правду – значит потрясать основы*», – писал маркиз.

Но самым потрясающим было предсказание Кюстина.

Наблюдая гигантскую империю, сцементированную страхом, рабством, ложью, Третьим отделением и самодержавием, француз, тем не менее, написал: «*Не пройдет и пятидесяти лет, как эта империя рухнет*».

сяти лет – и в России будет революция».

И действительно, ошибся всего на какой-то десяток лет. В 1905 году, при правнучке и тезке Николая I, начнется революция.

Когда Николай прочел книгу Кюстина, он швырнул ее на пол: «Моя вина! Зачем я говорил с этим негодяем?».

Книгу запретили, заботливо конфисковывали у иностранцев на таможне и... своего добились: ее читала вся Россия! «Царь отгородил страну забором, но в казенном заборе есть щели и сквозной ветер сильнее вольного», – насмешливо писал Александр Герцен. В задушенной Третьим отделением России во множестве ходили по рукам привезенные с Запада книги.

Ибо в России уже существовала вторая власть. Наряду с властью императора существовала власть взятки. Как состроил современник: «Я мог бы ввезти в Россию не только французскую книгу, но французскую гильотину – надо только договориться, сколько это будет стоить».

Военные не умели эффективно управлять, и вместе с ними управлять страной начала коррупция. И они стали ее частью. Впрочем, все это происходило на заднем дворе власти. На параде все по-прежнему выглядело отлично.

Николай потребовал отповеди «негодяю». Третье отделение организовало статьи против Кюстина – в России и за гра-

ницей. Жуковский в письме к литератору Александру Тургеневу просил ответить Кюстину. Правда, предупредил, что «ответ Кюстину должен быть короток; нападать надобно не на книгу, ибо в ней много правды, но на Кюстина».

– Зачем же нападать, если правда? – удивлялся Тургенев.

Читал ли книгу Кюстина наш герой?

В России не бывает лучшей рекламы, чем запрещение. «Запрещенный товар – как запрещенный плод: цена его удваивается от запрещения...» Скорее всего «Кюстина читала вся образованная Россия», – писал Александр Тургенев.

Так что, читая книгу и, конечно же, ненавидя Кюстина, Александр мог повторить слова Герцена: «Книга эта действует на меня, как пытка, как тяжелый камень, приваленный к груди».

Герцен был еще один враг его отца. Еще один голос, громко звучащий в награжденной немотой стране.

«Зову живых»

Александр Герцен – величайшая фигура в истории либеральной России. Все знаменитые радикалы Европы: Прудон, Гарибальди, Оуэн, Кошут, Виктор Гюго – знали и уважали этого фантастического русского.

Уже в университете Герцен заболел редкой в империи бо-

лезною – любовью к свободе. Все закончилось арестом 22-летнего юноши, ссылкой и эмиграцией.

За границей Герцен совершил невероятное— объявил войну Российской империи.

Герцен основал за границей Вольную русскую типографию. И вместе с другим эмигрантом, другом юности Огаревым, начал издавать знаменитую газету «Колокол» – с язвительным эпиграфом «Зову живых». Живых, то бишь мыслящих.

Несмотря на все строжайшие запреты, «Колокол» нелегально ввозится в страну. Его тайно читает вся образованная Россия. И в стране, где сажали не только за поступки, но за мысли, во весь голос зазвучали обличительные речи.

Одинокий эмигрант становится самым грозным врагом могучей империи.

Крупные аферы влиятельных русских чиновников, секретные распоряжения правительства – все это тотчас попадало на страницы «Колокола». Кто сообщал Герцену? Подчас сами чиновники! Когда кто-то из них хотел потопить другого, надо было послать донос. Нет, не императору, который мог на донос не обратить внимания, но власти помощественней – в «Колокол». И донос тотчас вызывал царскую реакцию, потому что сам Николай... читал ненавистный «Колокол»!

И Александр все это знал.

Годы шли.

Николаю непросто было любить сына. Слишком противоположные характеры. И это часто прорывалось. Николай не терпел опозданий, и когда жена наследника впервые опоздала на какую-то церемонию... Нет, Николай, этот истинный рыцарь, не позволил себе обругать женщину. Но наследник при всех был назван «неповоротливой короной».

Николая раздражает его постоянная покорная апатия. И «за безделье» в присутствии офицеров Николай мог надавать цесаревичу пощечин.

Но Александр знает: пощечины заканчиваются быстрым раскаянием отца, а неуютная инициатива – долгим преследованием. Все должен контролировать только один человек в стране. Иначе услышишь: «молокосос!»

И как непохож на него брат! Константин развил бурную деятельность в Морском ведомстве. Он создает Русское географическое общество, где собирает таких же энергичных молодых людей. У них много идей, которые кажутся императору завиральными и даже опасными. Костя предлагает строить паровые корабли, но Николай не любит модные штучки. Упрямый Костя хочет строить их на собственные деньги. Николай по-прежнему верит в паруса, но его пленяет бешеная энергия Кости. Он узнает в нем себя.

Война в вавилоне: воины идут в рай

И чтобы как-то разбудить наследника, государь отправляет сына на войну – на Кавказ.

Кавказ – это Вавилон, где проживали десятки народов, говорившие на сорока языках. С заоблачных гор Осетии, Кабарды, Чечни и Дагестана воинственные горцы совершали набеги на русские земли.

В 1828 году Николай начинает походы на Кавказ, чтобы объединить Северный Кавказ с покоренным прежде Закавказьем— Грузией, Арменией, Азербайджаном.

Весь разноплеменный Вавилон должен был отойти под власть русского царя.

Но сыны воинственного ислама не захотели последовать судьбе православных грузин и армян. Мулла Мухаммед объявил русским джихад – священную войну.

Именно тогда в Дагестане и Чечне распространилась воинственная ветвь ислама – «мюридизм».

Мюриды – прообраз исламских боевиков XX века – искали спасения души в пролитии крови христиан. Дрались эти воины бесстрашно, ибо были, как писал современник, «нафантазированы описаниями рая с красавицами-гуриями и прочими земными радостями». Мертвые воины незамедлительно отправлялись в сей живописный рай. Это была щедрая награда Аллаха за кровь неверных. Так сама смерть была

побеждена этими дикими верованиями, помогавшими бесстрашно убивать и радостно умирать.

Кровавая детская сказка перешагнет через столетия в XXI век.

Мюриды прятались, как звери, в густых лесах и оттуда нападали на русских.

И чтобы идти вперед, николаевским солдатам пришлось избрать новую тактику – рубить леса и строить на их месте крепости. Ожесточение мюридов вызывало ответные жестокости, и наоборот. Беспощадно сжигались мирные аулы, дававшие приют мюридам.

Но все осложнилось, когда во главе кавказских горцев встал великий воин – имам Шамиль. Он сумел сделать невозможное— объединил разноязыкие, разноплеменные, часто враждовавшие между собой горские общины под своей авторитарной властью. Он создал невиданную в вольных горах – в этой анархической среде воинов – новую систему отношений – крепкое государство.

Это было спаянное исламом духовное государство (имамат), объединявшее Чечню, Дагестан и Аварию. Во главе стоял имам – военный и религиозный лидер. Им стал Шамиль. Соединение духовной и светской власти – в традициях ислама. И оно давало Шамилю абсолютную власть над душами и жизнью подданных. Это был типичный беспощадный восточный диктатор. Шамиль поставил под ружье все муж-

ское население – от 15 до 50 лет. Теперь мужчины жили в военных лагерях – учились там обращению с оружием.

Все сороковые годы Шамиль наводил ужас на войска Николая. В этот период выяснилась беспомощность огромной русской армии в борьбе с имамом. Партизанская война – внезапные набеги горцев, приносили русским больше жертв, чем обычные сражения. Причем летом невозможно было воевать в Чечне, ибо горы Чечни покрывались лесами, где прятались мюриды. Но зимой русские войска не могли воевать уже в Дагестане, где горные перевалы становились совершенно недоступными. Так что войска Шамиля имели все возможности для маневра.

Шамиль сам вел войска в бой, он был всегда впереди и заплатил за это девятнадцатью ранами.

Уже больше 20 лет шла эта кровавая война, но не видно было конца. И в 1850 году император отправил наследника в Чечню – «понюхать пороху». Как всегда вдали от отца Александр совершенно преобразился. Он полон энергии, жаждет боя. Первое настоящее сражение, в котором участвовал Александр, случилось около крепости Ачхой. Здесь в лесу обнаружился чеченский отряд.

Сражение началось ранним утром. Можно представить офицерскую палатку, нагретую горячими углями, – он спал в

ней беспокойным тяжелым сном, как и положено перед первым боем. Было еще темно, когда его разбудил адъютант.

Огонь свечи – в заспанные глаза. И почтительное «Ваше императорское Высочество, выступаем».

Горный хребет тонул в рассветном солнце. Дымились аулы на горе, бежала, поблескивая на солнце, речушка. Мирная идиллия... Они поднимались по этой райской горе, когда там, наверху, из леса выехало десятка два чеченцев.

Один из них, в темном бешмете, привстал на стремянах, поигрывая нагайкой. Потом перебросил нагайку в другую руку и правой, как фокусник, покрутил ружьем. И, подбросив ружье, ловко поймал – и выстрелил. Впервые совсем рядом Александр услышал свист пули. И мальчик-ординарец схватился за грудь и пополз с коня. И тогда, увлекая за собой конвой и казаков, Александр поскакал вперед. Чеченцы тотчас отступили в лес. И там схоронились в завалах из деревьев. Только блестели ружья. И, соскочив с коней, опережая наследника, казаки и свита бросились на завалы – «Кинжалы вон! В приклады!»

Началась резня. Сражались грудь в грудь.

А сверху с деревьев чеченцы осыпали пулями. И много солдатиков хоронили потом – после его удалой, но безрассудной атаки. Но весь чеченский отряд был перебит. Он получил саблю их убитого начальника. После этой храброй, но безрассудной атаки отец наградил его крестом Святого Ге-

огрия, но предпочел отозвать с Кавказа.

Вот и все, что можно рассказать о его удалом пребывании на Кавказе.

В 50-е годы на Кавказ приехал еще один молодой человек — граф Лев Толстой. Графу было 23 года, он — из славного аристократического рода, отметившегося не раз в истории России. Его знаменитые предки были и храбрыми воеводами, и участвовали порой в самых кровавых событиях... Его прапрадед Петр Толстой, сподвижник Петра Великого, стоял во главе страшной Тайной канцелярии — тайной полиции. Он сумел заманить обратно в Россию бежавшего за границу царевича Алексея, сына Петра Великого. И Петр Толстой участвовал в его убийстве — убийстве царского сына по приказанию отца.

Молодой Лев Толстой не просто приехал на Кавказ — он бежал от пустоты светской жизни, от самого себя — от безумной своей карточной игры, кутежей.

Бегство из прежней жизни начинает эту великую биографию. И оно же ее завершит. В конце жизни старик Толстой вновь попытается бежать из прежней жизни — бежать от семьи, от своего дома в Ясной Поляне... Бежать к новой жизни. И в пути, на маленькой железнодорожной станции закончит свою жизнь Великий Беглец.

Но все это потом... А тогда простым юнкером Толстой участвует в походе против чеченцев. (Впрочем, вместе с графом-юнкером приехали и трое его крепостных слуг.) В сра-

жениях Лев Толстой заслужил звание офицера. И глазами Толстого мы можем увидеть ту – другую сторону Кавказской войны.

В рукописи «Набег» Толстой описывает эту обычную сценку: генерал весело отдаёт на разграбление солдатам захваченный аул. «Что ж, полковник, – сказал генерал, улыбаясь, – пускай их – жгут, грабят, я вижу, что им ужасно хочется. Драгуны, казаки и пехота рассыпались по аулу – там рушится крыша, выламывают дверь, тут загорается забор, сакля, стог сена. Вот казак тащит куль муки кукурузы, солдат – ковер и двух куриц, другой – таз и кумган с молоком, третий навьючил ишака всяким добром; вот ведут почти голого испуганного дряхлого старика-чеченца, который не успел убежать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.